

Ги Дебор

Общество спектакля

Перевод с французского – С. Офереста и М. Якубович

Москва 2000

ГЛАВА 1

ЗАВЕРШЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

Несомненно, наше время... предпочитает образ - вещи, копию - оригиналу, представление - действительности, видимость - бытию... Ибо для него *священна* только *иллюзия*, *истина* же профанна. Более того, в глазах наших современников святость возрастает в той мере, в какой уменьшается истина, и растет иллюзия, так что высшая степень иллюзорности представляет для них высшую степень святости.

Л. Фейербах. *Сущность христианства. Предисловие ко второму изданию*

1

Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение *спектаклей*. Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление.

2

Образы, которые отслаиваются от каждого аспекта жизни, сливаются в одном непрерывном движении, в котором единство этой жизни уже не может быть восстановлено. Реальность, рассматриваемая *по частям*, разворачивается в своем обобщенном единстве в качестве *особого* псевдомира, подлежащего только созерцанию. Специализация образов мира оказывается завершенной в ставшем автономным мире образов, где обманщик лжет себе самому. Спектакль вообще, как конкретная инверсия жизни, есть автономное движение неживого.

3

Спектакль одновременно представляет собой и само общество, и часть общества, и *инструмент унификации* общества. Как часть общества, он явно выступает как сектор, сосредоточивающий на себе всякий взгляд и всякое сознания. По причине самой своей *обособленности* этот сектор оказывается средоточием заблуждающегося взгляда и ложного сознания; а осуществляемая им унификация - не чем иным, как официальным языком этого обобщенного разделения.

4

Спектакль - это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами.

5

Спектакль нельзя понимать ни как злоупотребление неким миром визуальное™, ни как продукт массированного распространения образов. Скорее, это мировоззрение, *Weltanschauung*, ставшее действенным и выраженным материально. Это обьективировавшееся видение мира.

6

Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства. Он не является неким дополнением к реальному миру, его надстроенной декорацией. Он есть средоточие нереальности реального общества. Во всех своих частных формах, будь то информация или пропаганда, реклама или непосредственное потребление развлечений, спектакль конституирует наличную *модель* преобладающего в обществе образа жизни. Он есть повсеместное утверждение выбора, *уже осуществленного* в производстве, и его последующее применение. Аналогично этому форма и содержание спектакля служат тотальным оправданием условий и целей

существующей системы. Но спектакль является еще и *перманентным присутствием* этого оправдания, ибо он занимает основную часть времени, проживаемого вне рамок современного производства.

7

Разделение само является частью единства мира, совокупной социальной практики, расщепляющейся на образ и действительность. А социальная практика, перед которой разыгрывается не зависящий от нее спектакль, есть также и реальная целостность, которая содержит в себе спектакль. Но расщепление этой целостности до такой степени калечит ее, что вынуждает представлять сам спектакль как ее цель. Язык спектакля конституируется посредством *знаков* господствующего производства, в то же самое время являющихся и конечной целью этого производства. 8

Нельзя отвлеченно противопоставлять спектакль и производительную общественную деятельность, ибо это раздвоение само раздвоено. Спектакль, оборачивающий реальное, в действительности является произведенным. В то же время переживаемая действительность материально заполняется созерцанием спектакля и в себе самой воспроизводит зрительный порядок, придавая ему позитивное обоснование. Объективная реальность предстает с двух сторон. Каждое понятие, подобным образом закрепленное, основано лишь на переходе в противоположное, и, таким образом, действительность возникает в спектакле, а спектакль является действительностью. Это взаимное отчуждение есть сущность и опора существующего общества.

9

В *реально обращенном* мире истинное есть момент ложного.

10

Понятие спектакля объединяет и объясняет огромное разнообразие видимых явлений. Их различия и контрасты являются мнимостями этой социально организованной видимости, которая сама должна быть признана в своей всеобщей истинности. Спектакль, рассматриваемый сообразно его собственной организации, есть *утверждение* видимости и утверждение всякой человеческой, то есть социальной, жизни как простой видимости. Но критика, которая добирается до истины спектакля, выявляет его как видимую *негацию* жизни, как отрицание жизни, *ставшее видимым*.

11

Чтобы описать спектакль, его формирование, функции и силы, стремящиеся к его распаду, нужно искусственно различать неразделимые элементы. *Анализируя* спектакль, мы в какой-то мере говорим самим языком спектакля, тем самым переходя на методологическую территорию того общества, которое и выражает себя в спектакле. Но спектакль есть не что иное, как смысл целостной практики определенной социально-экономической формации, ее способ *распределения времени*. Это как раз тот исторический момент, что включает нас.

12

Спектакль предстает как одна огромная позитивность, неоспоримая и недоступная. Он не говорит ничего, кроме того, что «то, что является, - благо, и то, что благо, - является». Отношение, которого он в принципе требует, есть то пассивное приятие, каковое он уже фактически обрел благодаря своей манере являться без возражений, обладая монополией на явленное.

13

Фундаментально тавтологический характер спектакля вытекает из того простого факта, что его средства представляют собой в то же время и его цель. Он — солнце, никогда не заходящее над империей современной пассивности. Он покрывает всю поверхность мира

и беспредельно купается в собственной славе.

14

Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случайно или поверхностно - в самой своей основе оно является *зрительским*. В спектакле, этом образе господствующей экономики, цель есть ничто, развитие - все. Спектакль не стремится ни к чему иному, кроме себя самого.

15

И в качестве необходимого украшения производимых сегодня предметов, и в качестве общего обоснования рациональности системы, и в качестве передового сектора экономики, непосредственно фабрикующего все возрастающее множество образов-объектов, спектакль есть *основное производство* современного общества.

16

Спектакль подчиняет себе живых людей в той мере, в какой их уже всецело подчинила экономика. Он есть не что иное, как экономика, развивающаяся ради самой себя. Он представляет собой верное отражение производства вещей и неверную объективацию производителей.

17

Первая фаза господства экономики над общественной жизнью в отношении определения любого человеческого творения повлекла за собой очевидное вырождение *быть* в *иметь*. Настоящая фаза тотального захвата общественной жизни накопленными плодами экономики ведет к повсеместному сползанию *иметь* в *казаться*, из которого всякое действительное «иметь» должно получать свое высшее назначение и свой непосредственный престиж. В то же время всякая индивидуальная реальность становится социальной, непосредственно зависящей от общественной власти и ею же сфабрикованной. Только в том, что она *не есть*, ей и дозволено являться.

18

Там, где реальный мир раскладывается на элементарные образы, элементарные образы становятся реальными сущностями, а действительные мотивации - гипнотическим поведением. Спектакль, как тенденция предъявлять мир, который уже не схватывается непосредственно, через различные специализированные опосредования, полагает зрение привилегированным человеческим чувством, каковым в прежние эпохи было осязание. Это самое абстрактное, наиболее подверженное мистификации чувство соответствует общей абстрактности современного общества. Но спектакль нельзя просто отождествлять со смотрением, даже в сочетании со слушанием. Он есть то, что ускользает от деятельности людей, от пересмотра и исправления их творчества. Он противоположен диалогу. Повсюду, где существует независимая *репрезентация*, воссоздается спектакль.

19

Спектакль - наследник всей *слабости* западного философского проекта, представлявшего собой понимание деятельности, в котором первенство принадлежало категориям *видения*; подобно этому сегодня он базируется на непрерывном разворачивании точной технической рациональности, происшедшей из этого образа мысли. Он не делает реальной философию - он философизует реальность. И конкретная жизнь каждого вырождается в *умозрительный* космос.

20

Философия, как власть обособленного мышления и мышление обособленной власти, сама по себе никогда не могла превзойти теологию. Спектакль - это материальная реконструкция религиозной иллюзии. Зрелищная техника не развеяла облака религии, куда прежде люди помещали собственные отделенные от них способности, - она лишь вновь связала их с земной юдолюю. Таким образом самая что ни на есть земная жизнь становится непроницаемой и затхлой. Она уже не отсылает на небеса, но лелеет у себя свою

абсолютную отверженность, свой обманчивый рай. Спектакль - это техническая реализация изгнания человеческих способностей в потустороннее - завершенное расщепление внутри человека.

21

По мере того, как необходимость оказывается социально пригрезившейся, греза становится необходимостью. Спектакль есть дурной сон закабаленного современного общества, который, в конечном счете, выражает лишь только его желание спать. И спектакль - страж этого сна.

22

То, что практическая мощь современного общества отделилась от себя самой и из спектакля была построена некая независимая империя, объясняется только тем, что этой мощной производительной практике все-таки не хватало связности и она так и продолжала оставаться в противоречии сама с собой.

23

В корне спектакля - древнейшая общественная специализация, специализация власти. Таким образом, спектакль является специализированным родом деятельности, заключающейся в том, чтобы говорить от имени других. Это дипломатическое представительство иерархического общества перед самим собой, откуда устраняется всякое иное слово. И здесь самое современное - это также самое архаическое.

24

Спектакль - это непрерывная речь, которую современный строй ведет о самом себе, его хвалебный монолог. Это автопортрет власти в эпоху ее тоталитарного управления условиями существования. В отношении спектакля фетишистская видимость чистой объективности скрывает их характер межчеловеческих и межклассовых отношений; поэтому кажется, будто вторая природа своими фатальными законами подчиняет себе наше окружение. Но спектакль не является необходимым продуктом технологического развития, которое рассматривается как развитие *естественное*. Напротив, общество спектакля представляет собой форму, избирающую собственное технологическое содержание. Если спектакль, взятый в ограниченном аспекте «средств массовой коммуникации», самом подавляющем из его поверхностных проявлений, может казаться заполняющим общество как простой инструментарий, то факт этого не есть нечто нейтральное: этот инструментарий свойственен его тотальному саморазвитию. Если в эпоху, когда развиваются подобные технические средства, общественные потребности могут удовлетворяться только лишь через их опосредование, если административное управление этим обществом и любые сношения между людьми могут осуществляться теперь только через посредничество этой власти мгновенного сообщения, то это только потому, что это "сообщение", в сущности, является *однонаправленным*, так что его концентрация ведет к накоплению в руках администрации существующей системы средств, которые и позволяют ей продолжать это, уже предопределенное, администрирование. Повсеместное расщепление, производимое спектаклем, неотделимо от современного *Государства*, то есть от обобществленной формы социального расслоения, продукта общественного разделения труда и орудия классового господства.

25

Разделение есть альфа и омега спектакля. Институционализация общественного разделения труда, формирование классов сконструировали первое сакральное созерцание, мифический строй, в который изначально облеклась всякая власть. Священное оправдывало космический и онтологический порядок, который соответствовал интересам господ, оно растолковывало и приукрашивало то, что общество *не могло осуществить*.

Следовательно, всякая разделенная власть была зрительной, но всеобщая приверженность такому неподвижному образу означала только всеобщее признание за бедными права на воображаемое продолжение реальной общественной деятельности, еще широко ощущаемой как объединяющее условие. Современный спектакль, наоборот, выражает то, что общество *может осуществить*, но в этом выражении *дозволенное* абсолютно противопоставляется *возможному*. Спектакль - это сохранение бессознательности при практическом изменении условий существования. Он является собственным продуктом и сам учреждает собственные правила: он - псевдо-сакральное. Он демонстрирует то, что он *есть*, - мощь общественного разделения, развивающуюся сама по себе, во всевозрастающей производительности, через постоянное увеличение изощренности в разделении труда, через дробление жестов, теперь подчиненных независимому движению машин; мощь, работающая ради непрерывно расширяющегося рынка. Всякая общность и всякое критическое чувство размываются в процессе этого движения, в котором силы, которые могли бы расти посредством разделения, еще не *обретены*.

26

С возведенным в принцип разделением трудящегося и его продукта утрачивается всякая единая точка зрения на выполняемую деятельность, всякая прямая личная коммуникация между производителями. В соответствии с прогрессирующим накоплением отделенных продуктов и концентрацией процесса производства единство и коммуникация становятся исключительным атрибутом управления системой. Результатом экономической системы разделения является *пролетаризация* мира.

27

Благодаря самому успеху разделенного производства в качестве производства разделенного фундаментальный опыт, связанный в примитивных обществах с неким основным трудом, сейчас перемещается от полюса, стимулирующего развитие системы, к некоему нетруду, к бездеятельности. Но эта бездеятельность ни в чем не свободна от производственной деятельности - напротив, она от нее зависит, она есть тревожное и восторженное подчинение потребностям и результатам производства, она сама является продуктом его рациональности. Невозможна свобода вне деятельности, но в рамках спектакля всякая деятельность отрицается, равно как реальная деятельность оказывается полностью захваченной ради повсеместного достижения подобного результата. Таким образом, современное "освобождение труда", увеличение досуга никоим образом не являются освобождением в труде, как и освобождением созданного этим трудом мира. Ничто из похищенной из труда активности не может быть обретено вновь в подчинении его результату.

28

Экономическая система, основанная на разобщении, есть *циклическое* производство разобщения. Разобщение служит основанием для технологии, а технологический процесс, в свою очередь, служит разобщению. От автомобиля до телевизора, все *блага, селектированные* зрительской системой, служат также ее орудиями для постоянного упрочения условий разобщенности «одиноких толп». Спектакль снова и снова со всевозрастающей конкретностью воспроизводит свои собственные предпосылки.

29

Истоком спектакля является утрата единства мира, и гигантская экспансия современного спектакля выражает полноту этой утраты: абстрагирование всякого частного труда и всеобщее абстрагирование совместного производства прекрасно передаются в спектакле, чей *конкретный способ существования* как раз и является абстрагированием. В спектакле одна часть мира *представляет себя* перед всем миром и является высшей по отношению к нему. Спектакль есть лишь обыденный язык этого разделения. То, что объединяет зрителей, представляет собой лишь необратимую связь с тем самым центром,

который и поддерживает их разобщение. Спектакль воссоединяет разделенное, но воссоединяет его *в качестве разделенного*.

30

Отчуждение зрителя в пользу созерцаемого объекта (который является результатом его собственной бессознательной деятельности) выражается следующим образом: чем больше он созерцает, тем меньше он живет, чем больше он соглашается признавать себя в господствующих образах потребностей, тем меньше он понимает собственное существование и собственное желание. Внешний характер спектакля по отношению к человеку действующему проявляется в том, что его собственные поступки принадлежат уже не ему самому, но другому - тому, кто ему их представляет. Вот почему зритель нигде не чувствует себя дома, ибо повсюду - спектакль.

31

Трудящийся не производит самого себя, он производит некую независимую мощь. *Успешность* этого производства, его избыточность возвращаются к производителю как *избыточность обездоленности*. С накоплением его собственных отчужденных продуктов все время и пространство его мира становятся ему *чуждыми*. Спектакль - это карта этого нового мира; карта, в точности покрывающая его территорию. Те самые силы, которые уже ускользнули от нас, теперь во всем могуществе *демонстрируют себя* нам.

32

В обществе спектакль соответствует конкретному производству отчуждения. Экономическая экспансия и является главным образом экспансией этого конкретного индустриального производства. То, что возрастает вместе с экономикой, развивающейся ради себя самой, может быть лишь все тем же отчуждением, существовавшим в ее первоначальном ядре.

33

Человек, отделенный от продукта своего труда, во все более высокой степени сам производит все части своего мира и таким образом оказывается все более и более отделенным от своего мира. Сегодня чем больше его жизнь является его продуктом, тем больше он отделяется от собственной жизни.

34

Спектакль есть *капитал* на той стадии накопления, когда он становится образом.

ГЛАВА 2

ТОВАР КАК СПЕКТАКЛЬ

Ведь только как универсальная категория всего общественного бытия товар может быть понят в своей подлинной сущности. Лишь в этом контексте овеществление, возникшее из товарных отношений, приобретает решающее значение как для объективного развития общества, так и для отношения людей к нему, для подчинения их сознания формам, в которых выражается это овеществление... Это подчинение к тому же только усиливается от того, что чем дальше заходит процесс рационализации и механизации труда, тем больше деятельность трудящегося теряет характер деятельности, превращаясь в созерцательное отношение.

Дьердь Лукач. История и классовое сознание

35

В самом этом сущностном развитии спектакля, заключающемся в непрерывном перехватывании всего того, что в человеческой деятельности существовало в *текущем состоянии*, для заполучения его в состоянии застывшем, в качестве вещей, которые посредством *отрицательной переформулировки* жизненных ценностей становятся исключительной ценностью, мы узнаем старого врага, который столь хорошо умеет казаться на первый взгляд чем-то простым и само собой разумеющимся, тогда как на самом деле он, напротив, полон причуд и метафизических тонкостей, - товар.

36

Именно принцип товарного фетишизма, общественное господство посредством «вещей скорее сверхчувственных, чем чувственных» безоговорочно соблюдается в спектакле, где мир чувственный оказывается замещенным существующей над ним выборкой образов, что одновременно выдает себя за чувственное *par excellence*.

37

Демонстрируемым спектаклем мир, одновременно присутствующий и отсутствующий, есть мир товара, господствующего над всем, что переживается. И таким образом, мир товара показывается таким, *каков он есть*, ибо его движение тождественно *отдалению* людей друг от друга и в отношении к их собственному совокупному продукту.

38

Утрата качества, столь очевидная на всех уровнях языка спектакля, объекты, которые он восхваляет, и способы поведения, которые он предписывает, как раз представляют основные признаки реального производства, отстраняющего действительность: ведь товарная форма во всем являет равенство самой себе, это количественная категория. Только количественное она развивает и только на него и может разлагаться.

39

Такое развитие, исключаящее качественное, раз уж оно является развитием, само подчинено качественному скачку, ибо спектакль означает то, что это развитие превзошло порог *собственной избыточности*. Последнее утверждение верно лишь отчасти, пока лишь в нескольких точках, но уже является истинным и во всемирном масштабе, который сам представляет собой первоначальное товарное отношение, исходную связь, которую только подтвердило ее практическое развитие, воссоединившее Землю как мировой рынок.

40

Развитие производительных сил было *реальной бессознательной историей*, которая создала и видоизменила условия существования человеческих сообществ как условия выживания, а также расширяла рамки этих условий, ибо являлась экономическим основанием всех их предприятий. Товарный сектор внутри естественной экономики был организацией некоего избытка выживания. Товарное производство, предполагающее обмен разнообразными продуктами между независимыми производителями, еще долго могло оставаться ремесленным, пребывая заключенным в маргинальной экономической функции, в которой его чисто количественная истина оставалась замаскированной. Однако там, где оно встретило общественные условия для обширной торговли и накопления капиталов, оно захватило полное господство над экономикой. Тогда вся экономика целиком стала тем, чем проявил себя товар в ходе такого завоевания, - процессом количественного развития. Это непрекращающееся развертывание экономической мощи в форме товара, преобразившее человеческий труд в труд-товар, в *наемный труд*, в порядке накопления приводит к избыточности, при которой первоначальный вопрос о выживании, несомненно, оказывается решенным, но так, что он постоянно должен обнаруживать себя и каждый раз ставиться заново на более высокой ступени. Экономический рост освобождает общества от давления природной среды, требовавшего от них непосредственной борьбы за выживание, но теперь они оказываются не свободными именно от своего освободителя. *Независимость* товара распространилась на всю экономическую систему, над которой он господствует. Экономика преобразует мир, но преобразует его только в мир экономики. Та псевдоприрода, в какую был отчужден труд человека, требует до бесконечности продолжать ее *обслуживание*, и это обслуживание, которое оценивается и оправдывается только им самим, на самом деле получает в качестве своих служителей всю тотальность общественно узаконенных проектов и усилий. Избыточность товаров, то есть товарных отношений, может теперь быть только *прибавочной стоимостью выживания*.

41

Каким-то таинственным образом товар сначала утвердил свое господство в экономике, которая сама в качестве материальной базы общественной жизни оставалась невоспринятой и непонятой, как давний, однако неузнанный знакомый. В обществе, где конкретный товар остается редким или играет второстепенную роль, именно видимое господство денег представляет себя в качестве посланника, наделенного полномочиями и выступающего от имени неведомой силы. Но вместе с промышленной революцией, мануфактурным разделением труда и массовым производством, ориентированным на мировой рынок, товар проявляется действительно как сила, которая фактически *заполняет* всю общественную жизнь. Именно в этот момент политическая экономия и конституируется как господствующая наука и как наука о господстве.

42

Спектакль - это стадия, на которой товару уже удалось добиться *полного захвата* общественной жизни. Отношение к товару не просто оказывается видимым, но теперь мы только его и видим: видимый нами мир - это его мир. Современное экономическое производство распространяет свою диктатуру и вширь и вглубь. В самых малоиндустриализованных уголках планеты его царствие уже ощущается через наличие нескольких товаров-звезд и империалистического господства зон, лидирующих в развитии производительности. В этих передовых зонах общественное пространство заполнено непрерывным геологическим напластованием товаров. На этом этапе "второй индустриальной революции" отчужденное потребление становится некоей обязанностью масс, дополнительной по отношению к отчужденному производству. Весь без исключения *продаваемый труд* общества повсеместно становится *тотальным товаром*, чье циклическое воспроизведение должно продолжаться. Ради этого нужно, чтобы такой тотальный товар по частям возвращался к фрагментарному индивиду, абсолютно отделенному от производительных сил, действующих как целостная система. Следовательно, именно здесь специализированная наука о господстве должна, в свою очередь, специализироваться - и она

дробится на социологию, психотехнику, кибернетику, семиотику и т. д. и т. п., на всех уровнях контролируя саморегуляцию процесса.

43

Тогда как на первоначальной фазе капиталистического накопления «политическая экономия видела в *пролетарии* лишь *рабочего*», который должен получать необходимый минимум для поддержания своей рабочей силы, совершенно не рассматривая его «в его досуге, в его человеческом качестве», эта идейная позиция господствующего класса оборачивается сразу же, как только степень избыточности, достигнутая в производстве товаров, требует от рабочего избытка соучастия. Этот рабочий, внезапно отмытый от тотального презрения, на что ему явственно указывают все способы организации производственного процесса и контроля, за пределами последних ежедневно и явно обнаруживает, что в качестве потребителя с ним со впечатляющей вежливостью обращаются как с важной персоной. То есть *товарный гуманизм* принимает в расчет «досуг и человеческий облик» трудящегося просто потому, что политическая экономия сегодня может и должна господствовать над этими сферами как *экономия политическая*. Таким образом, «завершившееся отрицание человека» берет под свой контроль всю полноту человеческого существования.

44

Спектакль - это перманентная опиумная война, ведущаяся с целью добиться принятия тождества благ с товарами, а удовлетворения - с порогом выживания, возрастающим согласно собственным законам. Но если потребляемое выживание есть то, что всегда должно возрастать, так это потому, что оно постоянно *содержит в себе лишение*. Если нет ничего по ту сторону возрастающего по стоимости выживания, никакой точки, где бы оно могла прекратить свой рост, то это именно потому, что оно не является потусторонним по отношению к лишению, потому что оно и есть это, только ставшее еще более дорогим, лишение.

45

С автоматизацией, которая представляет собой одновременно и самый развитой сектор современной индустрии, и модель, в которой полностью подытоживается ее деятельность, стало необходимым, чтобы мир товара преодолел следующее противоречие: техническое оборудование, объективно отменяющее труд, должно в то же время сохранить *труд как товар* и как единственное место рождения товара. Для того чтобы автоматика или любая другая, менее радикальная форма повышения производительности труда в действительности не уменьшала в масштабе общества время необходимого общественного труда, необходимо создавать новые рабочие места. Третичный сектор - сектор услуг - и представляет собой гигантское растягивание эшелонированных линий распределения и восхваления современных товаров, мобилизацию дополнительных сил, которая самой искусственностью потребностей, относящихся к таким товарам, очень хорошо соответствует необходимости подобной организации подсобного труда.

46

Меновая стоимость могла сформироваться лишь как агент потребительной стоимости, но ее победа посредством собственного оружия создала условия для ее автономного господства. Мобилизуя всякое человеческое потребление и захватывая монополию на его удовлетворение, она дошла до того, чтобы *управлять потреблением*. Процесс обмена отождествился с любым возможным потреблением и низвел его до зависимости от себя. Меновая стоимость - это наемница потребительной стоимости, кончающая тем, что развязывает войну ради собственного интереса.

47

Константа капиталистической экономики, заключающаяся в *тенденции к снижению потребительной стоимости*, развивает новую форму нехватки внутри прибавочной

стоимости выживания, которая к тому же не свободна от стародавней нищеты, потому что требует соучастия огромного большинства людей как наемных работников в бесконечном поддержании ее напряжения и потому что каждый знает, что ему нужно либо подчиниться, либо умереть. Именно реалии этого шантажа, заключающиеся в том, что потребление в своей наиболее бедной форме (питаться, иметь жилье) существует теперь лишь как заключенное внутри иллюзорного богатства возросшей стоимости выживания, являются действительным основанием для принятия иллюзии вообще в современное товарное потребление. Реальный потребитель становится потребителем иллюзий. Товар есть эта иллюзия, по сути дела реальная, а спектакль - ее всеобщее проявление.

48

Потребительная стоимость, которая была включена в меновую стоимость имплицитно, теперь, в обращенной действительности спектакля, должна провозглашаться эксплицитно, как раз потому, что ее подлинная действительность подтачивается сверхразвитой рыночной экономикой, и потому, что для фальшивой жизни становится необходимым некое псевдо-подтверждение.

49

Спектакль есть другая сторона денег - всеобщего абстрактного эквивалента всех товаров. Но если деньги подчинили себе общество как репрезентация главной эквивалентности, то есть обмениваемости многообразных благ, чье потребление оставалось несравнимым, спектакль представляет собой их развившееся современное дополнение, где вся полнота товарного мира появляется оптом, как некая всеобщая эквивалентность того, чем совокупность общества может быть и что делать. Спектакль есть деньги, на которые мы *только смотрим*, ибо в нем тотальность потребления уже заместила тотальностью абстрактного представления. Спектакль не просто слуга *псевдопотребления*, он уже сам по себе есть псевдопотребление жизни.

50

Сосредоточенный результат общественного труда в момент *экономического* изобилия становится видимым и подчиняет всякую действительность видимости, которая теперь становится его продуктом. Капитал больше не невидимый центр, управляющий способом производства, ибо его накопление распространяется вплоть до самой периферии в форме ощущаемых объектов. Все протяжение общества - это его портрет.

51

Победа самостоятельной экономики должна в то же время стать ее гибелью. Высвобожденные ею силы подавляют *экономическую необходимость*, которая была незыблемой основой прежних обществ. Когда она заменяет ее необходимостью бесконечного экономического развития, она может замещать удовлетворение первичных признаваемых в общем человеческих потребностей лишь непрерывной фабрикацией псевдопотребностей, которые сводятся к единственной псевдопотребности - поддерживать ее господство. Но самостоятельная экономика навсегда отделяется от этой глубинной потребности по мере того, как она выходит из *общественного бессознательного*, которое от нее зависело, о том не ведая. «Все сознательное потребляется. Бессознательное - остается неизменным. Но, стоит ему высвободиться, не превратится ли оно, в свою очередь, в руины?» (Фрейд).

52

В момент, когда общество открывает, что оно зависит от экономики, на самом деле уже экономика зависит от него. Та подспудная мощь, которая возросла настолько, что смогла проявиться в качестве верховной, таким образом утратила свое могущество. Там, где было экономическое *Оно*, должно стать *Я*. Субъект может возникнуть лишь из общества, то есть из существующей в нем борьбе. Его возможное существование полностью зависит от

результатов классовой борьбы, которая проявляет себя и как продукт, и как производитель экономического основания истории.

53

Сознание желания и желание сознания тождественны этому проекту, в своей негативной форме стремящемуся к уничтожению классов, то есть к прямому овладению трудящимися всеми сферами собственной деятельности. Его *противоположностью* является общество спектакля, где товар сам созерцает себя в созданном им самим мире.

ГЛАВА 3

ЕДИНСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ В ВИДИМОСТИ

По всей стране на философском фронте разворачивается новая оживленная полемика по поводу понятий «одного, разделяющегося на два», и «двух, сливающихся в одно». Этот спор есть борьба между теми, кто за, и теми, кто против материалистической диалектики, борьба между двумя концепциями мира: пролетарской и буржуазной. Утверждающие, что «одно, разделяющееся на два», есть фундаментальный закон вещей, придерживаются материалистической диалектики, утверждающие, что основной закон вещей в том, что «два сливаются в одно», - против материалистической диалектики. Две стороны прочертили между собой четкую демаркационную линию, и их аргументы диаметрально противоположны. Эта полемика отражает в зеркале идеологии острую и сложную классовую борьбу, которая разворачивается в Китае и во всем мире.

«Красное знамя». Пекин. 21 сентября 1964 года

54

Подобно всему современному обществу, спектакль одновременно является и единым и разделенным. Как и общество, спектакль надстраивает свое единство над разрывом. Но когда в спектакле возникает противоречие, оно, в свою очередь, опровергается оборачиванием его смысла - и оказывается, что демонстрируемое в спектакле разделение едино, тогда как продемонстрированное единство раздельно.

55

Дело в том, что борьба за разные виды власти, установившиеся ради управления одной социально-экономической системой, проявляется как официально признанное противоречие, на самом деле принадлежащее к действительному единству - и единство это существует как в мировом масштабе, так и внутри каждой страны.

56

Фальшивые театрализованные конфликты соперничающих форм разделенной власти в то же время являются реальными в том, что выражают несбалансированное и конфликтное развитие системы, относительно противоречивые интересы классов, или классовых подразделений, которые признают систему и определяют собственное соучастие во власти. Так же, как и развитие самой передовой экономики есть столкновение одних определенных приоритетов с другими, тоталитарное управление экономикой со стороны государственной бюрократии, как и состояние стран, оказавшихся в колониальной и полуколониальной сфере, определяется значительными особенностями в способах производства и методах властвования. В спектакле эти разнообразные оппозиции могут преподноситься в соответствии с совершенно разными критериями, как формы абсолютно различных обществ. Но сообразно самой их наличной действительности как особых регионов истина самой их личности заключается во включении их в универсальную систему - в том едином движении, которое превратило планету в собственное поле, в капитализме.

57

Общество — носитель спектакля господствует над слаборазвитыми регионами не только посредством экономической гегемонии. Оно господствует над ними и *в качестве общества спектакля*. Там, где для этого пока отсутствует материальное основание, современное общество зрительно уже заполонило социальную поверхность каждого континента. Оно определяет программу правящего класса и направляет его формирование.

Подобно тому, как оно представляет псевдоблага, которые следует возжелать, оно так же предлагает местным революционерам и фальшивые модели революции. Спектакль, присущий бюрократической власти, довлеющей над несколькими индустриальными странами, на деле является частью тотального спектакля - и как его общее псевдо-отрицание, и как его опора. Если спектакль, рассматриваемый в своих различных локализациях, с очевидностью указывает на тоталитарные общественные специализации прессы и администрации общества, то последние на уровне глобального функционирования системы сливаются в некоем *мировом разделении зрелищных задач*.

58

Это разделение зрелищных задач, сохраняющее общую структуру существующего порядка, принципиально сохраняет и доминирующий полюс его развития. Спектакль укоренен на территории экономики, ставшей изобильной, и именно из нее вызревают те плоды, что в конце концов стремятся полностью господствовать на рынке зрелищ, невзирая на протекционистские идеологические и полицейские барьеры любого локального спектакля, претендующего на автаркию.

59

Движение *банализации*, усреднения, которое под броскими отвлекающими маневрами спектакля господствует в современном обществе по всему миру, также доминирует и в каждой позиции, где развитое потребление товаров внешне приумножило выбор ролей и объектов. Пережитки религии и семьи - каковая остается главной формой наследования классовой власти, - а следовательно, и обеспечиваемого ими морального подавления могут, играя одну и ту же роль, сочетаться с изобилующими утверждениями о наслаждении *этим* миром: ведь этот мир как раз и производится в качестве псевдонаслаждения, сохраняющего в себе репрессию. Таким же образом с блаженным принятием существующего может сливаться воедино чисто показной бунт - и этим выражается не что иное, как то, что сама неудовлетворенность стала неким товаром, как только экономическое изобилие оказалось способным распространить производство на обработку такого первичного материала.

60

Сосредоточивая в себе образ некоей возможной роли, звезда - эта зрелищная репрезентация живого человека - концентрирует, следовательно, эту усредненность в себе. Удел звезды - это специализация *мнимого проживания жизни*; она - это объект отождествления с мнимой поверхностной жизнью, которым должно компенсироваться дробление проживаемых в действительности производительных специализаций. Звезды существуют, чтобы олицетворять типы разнообразных жизненных стилей и стилей понимания общества, способных осуществляться *глобально*. Они воплощают недоступный результат общественного *труда*, имитируя побочные продукты этого труда, магическим образом оказывающиеся вознесенными над ним в качестве его цели: *власть* и *пора отпусков*, сфера принятия решений и потребление, которые находятся в начале и в конце одного никогда не обсуждаемого процесса. В одном месте правительственная власть персонифицируется в виде псевдо-звезды, в другом - сама звезда потребления через плебисцит наделяется псевдовластью над переживанием. Но аналогично тому, как эти ролевые действия звезды не являются по-настоящему глобальными, им так же не свойственно и разнообразие.

61

Действующее лицо спектакля, выставленное на сцену в качестве звезды, — это противоположность индивида, враг индивида как в нем самом, так и в других. Перейдя в спектакль как модель идентификации, он отказывается от всякого автономного качества ради того, чтобы отождествить самого себя с общим законом подчинения ходу вещей. Звезда потребления, будучи совершенно внешней по отношению к репрезентации различных

типов личности, показывает, что каждый из этих типов в равной степени обладает доступом к тотальности потребления и равным образом обретает в ней счастье. Звезде сферы принятия решений подобает обладать полным набором того, чем было принято восхищаться как человеческими достоинствами. Вот так, официальные расхождения между ними устраняются официальным сходством - предпосылкой их превосходства во всем. Хрущев стал генералом, чтобы предрешисть исход Курской битвы не на поле боя, а на ее двадцатую годовщину, став во главе государства. Кеннеди оставался оратором даже тогда, когда произносил панегирик над собственной могилой, ибо в тот момент Теодор Серенсен продолжал писать его преемнику речи в стиле, который столь много значил для признания персоны усопшего. Ведь те замечательные люди, в которых персонифицируется система, становятся известны лишь для того, чтобы не быть самими собой, ибо они стали великими, опустившись ниже действительности ничтожнейшей индивидуальной жизни, и каждый из них это знает.

62

Фальшивый выбор в показном изобилии, выбор который кроется в противопоставлении конкурирующих спектаклей спектаклям солидарным, как и в противопоставлении ролей (принципиально означаемых и передаваемых объектами), каковые одновременно исключают и встраиваются друг в друга, развивается в борьбе воображаемых качеств, предназначенных для того, чтобы возбудить приверженность к количественной заурядности. Таким образом, возрождаются ложные архаические оппозиции - регионализмы или расизмы, призванные преобразить в фантастическое онтологическое превосходство ничтожность мест, занимаемых в иерархии потребления. Подобным же образом переустраивается нескончаемая серия смехотворных столкновений, мобилизующих некий полуигровой интерес, - от спортивных соревнований до выборов. Там, где установилось избыточное потребление, главная показная оппозиция между молодежью и взрослыми выводит на первый план эти фальшивые роли, ибо нигде не существует взрослого - хозяина собственной жизни, а молодость как изменяющее существующее - уж никак не свойство сегодняшней молодежи, но свойство экономической системы - динамики капитализма. Царствуют, наполняются молодостью, вытесняют и замещают друг друга именно *вещи*.

63

Под оппозициями спектакля скрывается *единство нужды*. Если различные формы одного и того же отчуждения сталкиваются под масками тотального выбора, то это происходит потому, что все они надстраиваются над вытесненными реальными противоречиями. В соответствии с потребностями той особой стадии опровергаемой или отстаиваемой спектаклем нужды, он существует либо в сосредоточенной форме, либо в форме рассредоточенной. В обоих случаях — это лишь образ удачного соединения, окруженного скорбью и ужасом, в спокойном центре урагана.

64

В сущности, сосредоточенная театрализация свойственна бюрократическому капитализму, хотя она может заимствоваться в качестве технологии государственной власти более отсталыми смешанными экономиками или же в определенные кризисные моменты развитого капитализма. Сама бюрократическая собственность на деле является сосредоточенной в том смысле, что отдельный бюрократ связан с властью над экономикой в целом лишь посредством бюрократического сообщества, и только как член этого сообщества. Кроме того, менее развитое производство товаров также представляется в сосредоточенной форме, ибо товар, которым владеет бюрократия, - это совокупный общественный труд, а то, что она перепродает обществу, - это его выживание в целом. Диктатура бюрократической экономики не может оставить эксплуатируемым массам никакого значительного поля выбора, поскольку она должна все выбирать сама и потому что любой иной внешний выбор, касается ли он питания или музыки, является, следовательно,

выбором ее полного разрушения. Она должна сопровождаться перманентным насилием. Навязываемый в ее спектакле образ блага вбирает в себя всю полноту того, что существует в качестве официально признанного, и, как правило, концентрируется на одном человеке - гаранте ее тоталитарной сплоченности. С этой абсолютной звездой каждый должен либо магически отождествиться, либо исчезнуть. Ибо дело идет о господине собственного непотребления и о героическом образе, в каком-то смысле приемлемом для абсолютной эксплуатации, на самом деле представляющей собой ускоренное террором первоначальное накопление. Если каждый китаец должен учиться у Мао и, таким образом, быть Мао, так это потому, что ему не нужно иметь *ничего другого, чтобы быть*. Там, где господствует сосредоточенная театрализация, также господствует и полиция.

65

Рассредоточенная театрализация сопровождает изобилие товаров, ничем не нарушаемое развитие современного капитализма. Здесь каждый отдельно взятый товар получает оправдание во имя величия производства всей совокупности предметов, чьим апологетическим перечнем и является спектакль. Непримиимые утверждения толкутся на сцене унифицированного зрелища избыточной экономики; подобно тому, как различные показные товары-звезды одновременно отстаивают свои собственные противоречащие проекты общественного благоустройства, когда автомобильный спектакль требует для себя идеального дорожного движения, уничтожающего старые города, тогда как зрелище самого города нуждается в кварталах-музеях. Следовательно, само удовлетворение, уже проблематичное и, по общему мнению, принадлежащее *совокупному потреблению*, немедленно фальсифицируется в том, что реальный потребитель может прямо соприкоснуться лишь с последовательностью фрагментов этого товарного благоденствия, - фрагментов, в которых качество, приписываемое совокупности, каждый раз, конечно же, явно отсутствует.

66

Каждый товар, обреченный на борьбу за самого себя, не может признать другие товары и претендует на то, чтобы навязывать себя повсюду, словно он - единственный. Тогда спектакль - это эпическое воспевание этого столкновения, и никакое падение Трои не сможет его завершить. Спектакль воспекает не мужей и их оружие, но лишь товары и их страсти. Именно в этой слепой борьбе каждый конкретный товар, следуя собственной страсти, на самом деле бессознательно реализует нечто гораздо более возвышенное: товарное становление-миром, которое к тому же есть становление-товаром мира. Таким образом, *хитростью товарного разума частное* товара приводится в столкновение, тогда как товарная форма движется к своей абсолютной реализации.

67

Доходит до того, что удовлетворение, которого избыточный товар уже больше не может дать в потреблении, стремятся получить в признании его ценности как товара: такое *товарное* потребление удовлетворяет только самого себя, потребителю же здесь отводится лишь соучастие в религиозных излияниях по отношению к суверенной свободе товара. Волны же энтузиазма по поводу того или иного продукта, поддерживаемые и разносимые всеми средствами массовой информации, распространяются стремительными темпами. Стилль одежды возникает из фильма, журнал создает имя клубам и обществам, а те вводят в моду различные наборы товаров. Феномен *гаджета* - забавных безделушек - выражает то, что в момент, когда товарная масса стремится к отклонению от нормы, само отклонение становится особым товаром. Например, за рекламными брелоками, больше не покупаемыми, но презентуемыми по случаю, сопровождающими престижные покупки или становящимися предметом своего рода обмена, можно опознать проявление некоей мистической преданности трансцендентности товара. Тот, кто коллекционирует брелоки, которые и производятся лишь для того, чтобы пополнять коллекции, накапливает товарные *индальгенции* - славный знак его реального присутствия среди верных

сторонников. Овеществленный человек выставляет напоказ доказательство интимной связи с товаром. Как в экстазах конвульсионеров или восторгах чудесно исцеленных религиозного фетишизма былых времен, фетишизм товарный доходит до состояний лихорадки. Единственное потребление, что еще выражается здесь, есть фундаментальное потребление подчинения.

68

Несомненно, навязываемая в современном потреблении псевдо-потребность не может быть противопоставлена никакой подлинной потребности или желанию, которые сами не были бы сфабрикованы обществом и его историей. Но избыточность товара выступает здесь как абсолютный разрыв в органическом развитии общественных потребностей. Его механическое накопление высвобождает нечто *безгранично искусственное*, а перед последним всякое живое желание остается обезоруженным. Совокупная мощь независимых артефактов повсеместно влечет за собой *фальсификацию общественной жизни*.

69

В образе счастливой унификации общества посредством потребления реальное разделение только *приостанавливается* до ближайшей незавершенности в потребляемом. Каждый отдельный продукт, который должен олицетворять надежду на молниеносное сокращение пути к окончательному достижению обетованной земли полного потребления, в свою очередь, церемонно представляется как решающий в своей сингулярности. Но, как и в случае мгновенного распространения моды на разные мнимо аристократические имена, которыми тут же оказываются названы почти все индивиды одного возраста, предмет, от которого ждут некоей уникальной способности, смог предстать как объект массового обожания лишь потому, что он выпускается в достаточно большом количестве, чтобы быть массово потребленным. Престижным характером этот посредственный продукт наделяется лишь потому, что на мгновение он оказывается помещен в центр общественной жизни как явленная в откровении тайна конечной цели производства. Предмет, который был столь престижным в спектакле, становится пошлым в тот момент, когда он приходит к одному потребителю в то же время, что и к другим. Он слишком поздно открывает свое сущностное убожество, естественно наследуемое от ничтожности своего производства. Но в этот момент уже другой предмет несет на себе оправдание системы и ее требование быть признанным.

70

Обман удовлетворения должен разоблачать себя сам, замещаясь другим обманом, следуя смене продуктов и изменению общих условий производства. То, что с абсолютным бесстыдством утверждало собственное окончательное превосходство, как в спектакле рассредоточенном, так и в спектакле сосредоточенном тем не менее быстро сменяется, и только сама система должна сохраняться: так, Сталин, подобно вышедшему из моды товару, обличается теми, кто прежде перед ним благоговел. Каждая *новая ложь* рекламы - это также *признание* ее предыдущей лжи. Каждое крушение лидера тоталитарной власти выявляет *иллюзорное сообщество*, которое его единодушно одобряло и бывшее всего лишь скоплением не питающих иллюзий одиночеств.

71

Представляемое спектаклем как вечное основывается на изменении и должно изменяться вместе с его основанием. Спектакль абсолютно догматичен, но в то же время на деле не может установить никакой жесткой догмы. Для него ни в чем нет остановки: состояние для него естественное, но тем не менее и наиболее противоположное его устремлениям.

72

Провозглашаемое спектаклем нереальное единство есть маска классового разделения, на котором зиждется действительное единство капиталистического способа

производства. То, что обязывает производителей участвовать в построении мира, есть также то, что их от него отстраняет. То, что устанавливает связи между людьми, избавленными от локальных и национальных ограничений, есть также то, что их отдаляет друг от друга. То, что принуждает к углублению рационального, есть также то, что питает иррациональное иерархической эксплуатации и подавления. То, что создает власть, абстрагированную от общества, творит и его конкретную *несвободу*.

ГЛАВА 5

ВРЕМЯ И ИСТОРИЯ

О. джентльмены, жизнь коротка... И если уж мы живем, то живем, чтобы ходить по головам королей.

У. Шекспир. *Генрих IV*.

125

Человек, «негативность, *сущее* лишь через снятие Бытия», тождествен времени. Присвоение человеком его собственной природы - это еще и его овладение развитием вселенной. «Сама история является важной частью *истории естественной*, истории становления природы в человека» (Маркс). И наоборот, эта "естественная история" обладает действительным существованием лишь благодаря процессу истории человеческой, той единственной ее части, которая воссоздает это историческое целое, - подобно современному телескопу, чья мощь позволяет достигать *во времени* туманности, уносящиеся на периферию вселенной. История существовала всегда, но не всегда она существовала в своей исторической форме. Такому овременению человека, как оно осуществляется в опосредовании общества, соответствует очеловечивание времени. Бессознательное движение времени проявляется и *становится истинным* в историческом сознании.

126

Собственно историческое движение, пусть *еще неявно*, начинается через медленное и неощутимое формирование «действительной природы человека», той «природы, что рождается в человеческой истории - в порождающем действии человеческого общества»; но даже общество, овладевшее техникой и языком, является продуктом собственной истории, осознает лишь вечное настоящее. В этом обществе любое познание, будучи ограниченным памятью старейших его членов, всегда поддерживается *живущими*. Ни смерть, ни размножение не понимаются как законы времени. Время остается неподвижным, подобно замкнутому пространству. Когда же ставшее более сложным общество приходит к осознанию времени, все его старания прежде всего направляются на отрицание времени, ибо оно видит в нем не то, что проходит, но то, что возвращается. Статичное общество организует время в соответствии со своим непосредственным опытом природы, по модели *циклического* времени.

127

Циклическое время господствует уже в опыте кочевых народов, ибо в каждом моменте их переходов они застают одни и те же условия, -и потому Гегель отмечает, что «странствие кочевников является лишь формальным, ибо оно не выходит за пределы однородных пространств». Общество, обосновываясь в определенной местности, придает пространству некое содержание через обустройство индивидуализированных мест и оказывается тем самым замкнутым внутри этого местоположения. Временной возврат в схожие места является теперь чистым возвратом времени в то же самое место, повторением последовательности действий. Переход же от пастушеского кочевничества к оседлому земледелию кладет предел ленивой и бессодержательной свободе и служит началом тяжелого труда. Вообще, способ сельскохозяйственного производства, подчиненный ритму времен года, является основой вполне развернутого циклического времени. Вечность *внутренне* присуща ему, ибо эта земная доля есть возвращение того же самого. Миф - это целостная мыслительная реконструкция мысли, обосновывающая весь космический порядок строем, который это общество на деле уже установило в своих границах.

128

Общественное присвоение времени, производство человека посредством человеческого труда развивается в обществе, разделенном на классы. Власть, установившаяся над скудостью общества циклического времени, класс, организующий этот общественный труд и присваивающий себе его ограниченную прибавочную стоимость, в равной степени присваивают также и *временную прибавочную стоимость* организации его общественного времени, и потому он исключительно для себя обладает необратимым временем живущего. Единственное богатство, которое может существовать как сосредоточенное в секторе власти, чтобы быть материально растраченным в расточительном празднике, оказывается в нем растраченным еще и в качестве растраты *исторического времени верхишки общества*. Собственникам исторической прибавочной стоимости принадлежит и познание, и использование переживаемых событий. Это время, отделенное от коллективной организации времени, преобладающее вместе с повторяющимся производством основ общественной жизни, течет над собственным неподвижным сообществом. Это время походов и войн, когда господа циклического общества проходят свою личную историю, но в равной степени это еще и время, возникающее в столкновении с чужими сообществами, время нарушения неизменного общественного строя. Следовательно, история захватывает людей врасплох как некая чуждая сила, как то, чего они не желали и от чего считали себя укрытыми. Но этим окольным путем возвращается также и то негативное *беспокойство* человеческого, бывшее в самом истоке всего развития, затем остановившегося.

129

Циклическое время само по себе является временем бесконфликтным. Однако в самом этом детстве времени уже заложен конфликт: ведь история борется прежде всего за то, чтобы быть историей практической деятельности господ. Эта история и создает необратимое на поверхности, ее движение составляет то самое время, которое исчерпывается ею внутри неисчерпаемого времени циклического сообщества.

130

"Холодные общества" - это общества, которые, удерживая в постоянном равновесии свое противостояние по отношению к человеческому и естественному окружению и внутренние противоречия между последними, до крайности замедлили свою историческую составляющую. И если крайнее разнообразие возникших ради этого институтов свидетельствует о гибкости самотворящей человеческой природы, то само подобное свидетельство, очевидно, может принадлежать только внешнему наблюдателю, этнографу, *вернувшемуся* из исторического времени. В каждом из этих обществ окончательная структуризация исключила изменение. Абсолютная косность существующих общественных практик, с коими оказываются навечно отождествлены все человеческие способности, теперь не имеет иного внешнего предела, кроме боязни вновь впасть в аморфность животного состояния. Здесь, чтобы оставаться в рамках человеческого, люди должны оставаться теми же самими.

131

Рождение политической власти, как представляется, связанное с последними великими техническими революциями, например такими, как плавка железа, на пороге периода, который вплоть до появления промышленности уже не узнает никаких глубоких потрясений, помимо прочего, представляет собой момент начала размывания кровнородственных связей. С той поры последовательность поколений выходит за пределы простого естественного цикла, для того чтобы стать ориентированной событийностью, последовательностью властных образований. Необратимое время - это время того, кто царствует, и его первой мерой являются династии. Его оружие - письменность. В письменности язык достигает полностью независимой реальности опосредования между сознаниями. Но эта независимость тождественна общей независимости власти, возникшей на основе разделения, как опосредование, которое конституирует общество. Вместе с

письменностью появляется сознание, которое больше не переносится и не передается через непосредственную связь живых людей; это - *безличная память*, память общественного управления. «Письмена - это мысли государства, архивы - его память» (Новалис).

132

Хроника - это выражение необратимого времени власти, а также орудие, поддерживающее направленное волей поступательное движение этого времени исходя из предшествующего ему предначертания, и подобная направленность времени должна насильственно разрушаться вместе с падением каждой отдельной власти, впадая в безразличное забвение того циклического времени, которое только и знают крестьянские массы, никогда не изменяющиеся при крушении империй и их хронологий. *Властители истории* вложили во время *некий смысл* - направление, которое также является и означиванием. Но эта история разворачивается и распадается в стороне, оставляя неизменными глубинные основы общества, ибо она является как раз тем, что остается выделенным из обыденной действительности. Вот почему история империй Востока сводится для нас к истории религий: эти превратившиеся в развалины хронологии не оставили после себя ничего, кроме по видимости автономной истории окутывавших их иллюзий. Господа, которые под покровительством мифа овладевают *частной собственностью на историю*, на самом деле поначалу владеют ею в режиме иллюзии: и в Китае, и в Египте они долго обладали монополией на бессмертие души, точно так же, как их первые признанные династии являли собой воображаемое обустройство прошлого. Но это иллюзорное обладание господ также является и самым возможным в ту эпоху обладанием историей - как общей, так и их собственной. Расширение их действительной власти над историей происходит параллельно вульгаризации этого иллюзорного мифического обладания. Все это вытекает из того простого факта, что по мере того, как господа возлагали на себя обязанность посредством мифа обеспечивать постоянство циклического времени, подобно тому, как это было в сезонных ритуалах китайских императоров, сами они оказывались от него относительно свободными.

133

Когда же неразъясняемая сухая хронология обожествленной власти, говорящей со своими служителями, желает пониматься только в качестве земного исполнения мифических заповедей, но оказывается преодоленной и становится сознательной историей, возникает необходимость, чтобы действительное соучастие в истории было пережито более обширными человеческими группами. Из этого практического способа сообщения между теми, кто *признал в себе* обладателей особого настоящего, испытал качественное богатство событий как собственную деятельность, и как место, где они жили, - их эпоху, рождается всеобщий язык сообщения исторического. Те же, для кого необратимое время уже существовало, открывают в нем одновременно и *достопамятное*, и *угрозу забвения*: «Геродот из Галикарнаса излагает здесь добытые им сведения, дабы время не уничтожило деяния людей...»

134

Рассуждение об истории неотделимо от *рассуждения о власти*. Греция была тем мгновением, когда власть и ее изменение обсуждались и понимались, - *демократией господ общества*. Здесь были условия, противоположные условиям, характерным для деспотического государства, где власть всегда давала отчет только самой себе в непроницаемой тьме максимума своего самососредоточения - в *дворцовых переворотах*, успех или крах которых равным образом оставляли ее вне обсуждения. Между тем разделяемая власть греческих полисов существовала лишь в *расходовании* общественной жизни, производство которой оставалось в подневольном классе полностью отделенным и неизменным. Лишь тот, кто не работает, - живет. В дроблении греческих полисов и в борьбе за эксплуатацию иноземных колоний был распространен вовне принцип разделения, который обосновывал внутренне жизнь каждого из них. Греции, грезившей о всемирной истории, так и не удалось

ни объединиться перед угрозой вторжения, ни даже унифицировать календари своих независимых городов. В Греции историческое время стало сознательным, но еще не осознающим самое себя.

135

После исчезновения локально благоприятных условий, которые были известны греческим городам, упадок западной исторической мысли не сопровождался восстановлением прежних мифических организаций. В столкновении народов Средиземноморья, в формировании и падении Римского государства возникали *полуисторические религии*, становившиеся основополагающими факторами нового сознания времени и новыми доспехами власти, основанной на разделении.

136

Монотеистические религии были компромиссом между мифом и историей, между еще господствовавшим в производстве циклическим временем и необратимым временем, в котором сталкиваются и перемешиваются народы. Религии, вышедшие из иудаизма, содержат абстрактное универсальное признание необратимого времени, оказывающегося демократизированным, открытым для всех - но открытым в иллюзорное. Временем, полностью направленным на одно конечное событие: «Грядет Царствие Божие». Хотя эти религии родились и утвердились на исторической почве - даже в этом они удерживаются в радикальной оппозиции по отношению к истории. Полуисторическая религия устанавливает качественную точку отсчета времени - Рождество Христово, Хиджра Магомета, - но ее необратимое время (вводящее действительное накопление, которое в исламе затем примет облик завоевания, а в реформированном христианстве - накопления капитала) на самом деле превращается в религиозной мысли в некий *обратный отсчет*: ожидание во времени, которое исчерпывается, выхода в иной, истинный мир, ожидание Страшного Суда. Вечность вышла из циклического времени. Она есть его потустороннее. Она - элемент, умаляющий необратимость времени, упраздняющий историю в самой истории, помещающаяся в ней как чистая элементарная точка, в которой циклическое время вернулось и уничтожилось, выйдя *по ту сторону необратимого времени*. Еще Боссюэ скажет: «И через преходящее время мы входим в непреходящую вечность».

137

Средневековые - тот незавершенный мифический мир, чье завершение за его пределами есть момент, когда циклическое время, еще регулирующее основную часть производства, действительно подтачивается историей. Определенная необратимая временность индивидуально признается за всем: в последовательности возрастов жизни; в жизни, рассматриваемой как *странствие*, как безвозвратный переход в мир, чей смысл находится в ином месте, и посему человек является *паломником* - тем, кто выходит из циклического времени, чтобы действительно стать тем странником, которым знаковым образом является каждый. Личная историческая жизнь всегда находит свое исполнение в сфере власти, в участии в борьбе - ведущейся властью или за власть; но необратимое время власти делится до бесконечности внутри общего упорядочивания, направленного времени христианской эры - в мире *вооруженного доверия*, где деятельность господ вращается вокруг требуемой верности долгу и ее опровержения. Это феодальное общество, рожденное из встречи «организационной структуры завоевательной армии, в том виде, как она развилась в ходе завоевания», и «производительных сил, обнаруженных в завоеванной стране» (*Ненецкая идеология*) (а в организации этих производительных сил нужно учитывать и их собственный религиозный язык), - раздробило господство над обществом между Церковью и государственной властью, в свою очередь подразделенной в сложных отношениях сюзеренитета и вассалитета территориальных ленов и городских коммун. В этом разнообразии возможной исторической жизни необратимое время, бессознательно захватившее глубины общества, - время, проживаемое буржуазией в производстве товаров, в основании и расширении городов, торговом открытии Земли (практическом эксперименте,

который навсегда покончил со всякой мифической организацией космоса), медленно проявляло себя как неведомая работа эпохи, когда великое официальное историческое предприятие этого мира потерпело крах вместе с крестовыми походами.

138

На закате Средневековья необратимое время, заполонившее общество, ощущалось сознанием, привязанным к старому порядку, в форме одержимости смертью. Такова меланхолия распада мира - последнего, где безопасность мифа еще уравнивала историю; и для этой меланхолии движение любой земной вещи было направлено к ее разложению. Великие восстания крестьян Европы также были попыткой *ответа на историю*, которая насильственно вырвала их из патриархального сна, обеспеченного феодальным покровительством. Именно милленаристская утопия *осуществления рая на земле* выводит на первый план то, что было в самом истоке полуисторической религии, когда христианские общины, как и иудейское мессианство, из которого они происходили, на все беды и несчастья эпохи отвечали ожиданием близящегося осуществления Царства Божия и добавляли в античное общество элемент беспокойства и ниспровержения. Настала пора, и христианство, разделившее власть в империи, стало развенчивать как просто предрассудки то, что осталось от этого упования: таков смысл августиновского утверждения, прототипа всех *одобрений* современной идеологии, согласно которой утвердившаяся церковь уже давно и была тем царством, о котором говорилось. Социальные бунты милленаристского крестьянства, естественно, определяются, прежде всего, как воля к разрушению Церкви. Но сам милленаризм разворачивается в историческом мире, а не на территории мифа. Однако это вовсе не означает того, что, как хочет продемонстрировать Норман Кон в *Поисках тысячелетнего царства*, упования современных революционеров являются иррациональным наследием религиозной страстности милленаризма. Совсем наоборот, именно милленаризм - революционная классовая борьба, последней говорившая языком религии, - уже и есть современная революционная тенденция, коей пока недостает *только исторического сознания*. Милленаристам суждено было потерпеть поражение, потому что они не могли признать революцию как их собственное действие. То обстоятельство, что они ожидали начала действия по внешнему знаку Божьего решения, было переводом в мышление той практики, при которой восставшие крестьяне следуют за вождями, не принадлежащими их среде. Крестьянский класс не мог достичь верного осознания того, как функционирует общество, и того, каким же образом следует вести собственную борьбу, именно потому, что ему не хватало условий для единения как в своем действии, так и в сознании; так что он выражал свои намерения и вел войны, сообразуясь с фантазиями о земном рае.

139

Новое овладение исторической жизнью - Возрождение, обнаруживающее в античности и свое прошлое, и свое право, несет в нее радостный разрыв с вечностью. Его необратимое время - это время бесконечного накопления познаний и исторического сознания, вышедшего из опыта демократических коммун; и даже разрушающие их силы будут воспроизводить, начиная с Макиавелли, рассуждения о десаκραлизованной власти, говорить невыразимое о государстве. В буйной жизни итальянских городов, в искусстве праздников жизнь узнавала себя как наслаждение мимолетностью времени. Но этому наслаждению мимолетным самому суждено было быть преходящим. Песня Лоренцо Медичи, которую Буркхардт считал выражением «самого духа Возрождения», - та хвала, в которой этот недолговечный праздник истории сам выносит себе приговор: «Как юность прекрасна, но как скоро проходит она».

140

Постоянное развитие монополизации исторической жизни государством абсолютной монархии формирует переход к полному господству класса буржуазии и выявляет в своей истине то, чем является новое необратимое время буржуазии. Именно со *временем труда*,

впервые освобожденного от циклического времени, связана буржуазия. С появлением буржуазии труд стал *трудом, преобразующим исторические условия*. Буржуазия - это первый господствующий класс, для которого труд является стоимостью. И буржуазия, упраздняющая всяческие привилегии и не признающая никакой стоимости, которая не имела бы источником эксплуатацию труда, справедливо отождествила с трудом свою собственную ценность, как господствующего класса, и превратила прогресс труда в собственный прогресс. Класс, накапливающий товары и капитал, непрерывно видоизменяет природу, видоизменяя сам труд, стимулируя его производительность. Всякая общественная жизнь уже сосредоточилась вокруг декоративной бедности двора, в холодном наряде государственной администрации, которая достигает высшей точки в "ремесле короля"; любой же частной исторической свободе приходится пойти на признание своей утраты. Свобода необратимой временной деятельности феодалов исчерпалась в их последних проигранных битвах войн Фронды или восстания шотландцев за Чарльза-Эдварда. Мир изменился в своем основании.

141

Победа буржуазии - это победа *глубинного исторического времени*, так как оно является временем экономического производства, постоянно снизу доверху преобразующего общество. Пока сельскохозяйственное производство остается основным трудом, циклическое время, все еще присутствующее в глубинах общества, питает объединенные силы *традиции*, которые вот-вот затормозят движение. Но необратимое время буржуазной экономики искореняет такие пережитки по всему миру. История, вплоть до этого времени возникавшая только как деятельность представителей господствующего класса и поэтому писавшаяся как история событийная, теперь понимается как *всеобщее движение*, и индивиды приносятся в жертву этому суровому движению. История, которая отыскивает собственную основу в политической экономии, теперь знает о существовании того, что было ее бессознательным, но что тем не менее еще остается бессознательным, пока она не сможет извлечь его на свет. И только эту слепую предысторию, новую фатальность, над которой никто не властен, демократизировала рыночная экономика.

142

История, присутствующая по всей глубине общества, стремится затеряться на его поверхности. Триумф необратимого времени является к тому же его метаморфозой во *время вещей*, потому что оружием его победы как раз и служило серийное производство вещей сообразно с законами рынка. Основным продуктом, который экономическое развитие перевело из разряда редкостной роскоши в разряд обыденного потребления, следовательно, была *история*, но только в качестве истории абстрактного движения вещей, господствующего над всяким качественным использованием жизни. Тогда как предшествовавшее циклическое время было основой все возрастающей доли исторического времени, проживаемого индивидами и группами, господство необратимого времени производства будет стремиться социально устранить это проживаемое время.

143

Таким образом, буржуазия заставила признать и навязала обществу необратимое историческое время, но отказало обществу в его *использовании*. «История была, но ее больше нет», потому что класс владельцев экономики, который уже не в состоянии порвать с *историей экономической*, должен также подавить как непосредственную угрозу всякое иное необратимое применение времени. Господствующий класс, созданный из *специалистов по владению вещами*, каковыми они сами являются, тем самым, благодаря этому овладению вещами, должен связать свою участь с поддержанием такой овеществленной истории, с постоянством новой неподвижности в *истории*. В первый раз трудящийся в самом основании общества материально не *чужд истории*, ибо теперь именно посредством этого основания общество развивается необратимо. В выдвигаемом им притязании *проживать* историческое время пролетариат попросту обнаруживает

незабвенную суть своего революционного проекта, и каждая из попыток исполнения этого проекта, подавляемых вплоть до нашего времени, отмечает некую возможную точку отсчета новой исторической жизни.

144

Необратимое время пришедшей к власти крупной буржуазии было сначала представлено под ее собственным именем, как абсолютное начало - Год I Республики. Но революционная идеология всеобщей свободы, которая смела последние остатки мифической организации ценностей и всякую традиционную регламентацию общества, уже начало - Год I Республики. Но революционная идеология всеобщей свободы, которая смела последние остатки мифической организации ценностей и всякую традиционную регламентацию общества, уже позволила заметить действительную волю к тому, что прежде она обряжала в римские тоги: ко всеобщей *свободе торговли*. Рыночное общество, обнаружившее тогда, что теперь ему придется восстанавливать пассивность, которую прежде нужно было основательно расшатать ради установления собственного полного правления, «обретает в христианстве с его культом абстрактного человека... наиболее подходящее религиозное дополнение» (*Капитал*). И тогда буржуазия пошла на установление компромисса с этой религией, выразившегося также и в представлении времени: отказавшись от собственного календаря, ее необратимое время вернулось к тому, чтобы формально слиться с *христианской эрой*, чью последовательность оно продолжает.

145

С развитием капитализма необратимое время *унифицируется в мировом масштабе*. Всемирная история становится реальностью, ибо весь мир включается в развертывание этого времени. Но история, что сразу и повсюду является одной и той же, - это, к тому же не более чем внутриисторический отказ от истории. Именно время экономического производства, расчлененное на равные абстрактные промежутки, появляется на всей планете как *один и тот же день*. Унифицированное необратимое время - это время *мирового рынка* и, соответственно, мирового спектакля.

146

Необратимое время производства является, прежде всего, мерой товаров. Следовательно, время, которое, таким образом, утверждается официально на всем пространстве мира как *обобщенное общественное время*, и обозначает лишь составляющие его специализированные интересы, *является только частным временем*.

ГЛАВА 6

ЗРЕЛИЩНОЕ ВРЕМЯ

У нас нет ничего, кроме времени, коим пользуются и те, кто не имеет даже пристанища.

Бальтасар Грасиан. Карманный оракул, или наука благоразумия

147

Время производства, товарное время - это бесконечное накопление эквивалентных интервалов. Это абстракция необратимого времени, все отрезки которого должны отмечать на хронометре только свое количественное равенство. Это время во всей своей фактической действительности есть то, что характеризуется *обмениваемостью*. Именно при таком общественном господстве товарного времени «время есть все, человек - ничто, он всего-навсего остов времени» (*Нищета философии*). Это обесцененное время - полное обращение времени как «пространства человеческого развития».

148

Всеобщее время человеческого не-развития существует также в дополнительном аспекте *времени потребляемого*, которое возвращается из этого определенного производства к повседневной жизни общества в качестве *времени псевдоциклического*.

149

Псевдоциклическое время на самом деле является только *потребляемым внешним обликом* товарного времени производства. Оно сохраняет в себе его сущностные характерные черты обмениваемых гомогенных единиц и упразднения качественного измерения. Но, будучи субпродуктом того времени, которое предназначено для порождения отставания конкретной повседневной жизни (и для сохранения этого отставания), оно должно быть нагружено псевдооценками и являться в виде вереницы ложно индивидуализированных моментов жизни.

150

Время псевдоциклическое есть время потребления современного экономического выживания, прибавочная стоимость жизни, где повседневное проживание остается лишенным выбора и подчиненным, но уже не естественному порядку, а псевдо-природе, развившейся из отчужденного труда, а значит, это время *совершенно естественно* вновь обнаруживает старый циклический ритм, который регулировал выживание доиндустриальных обществ. Псевдоциклическое время и опирается на естественные следы циклического времени, и составляет с ним новые гомологические комбинации: день и ночь, еженедельный труд и отдых, повторение периодов отпусков.

151

Псевдоциклическое время - это время, которое было *преобразовано индустрией*. Время, имеющее основанием производство товаров, само является потребляемым товаром, который вбирает в себя все то, что прежде, на фазе разрушения старого неразделенного общества, различалось как жизнь частная, жизнь хозяйственная, жизнь политическая. Доходит до того, что все потребляемое время современного общества уже трактуется как первичный материал для новых диверсифицированных продуктов, которые выставляются на рынок как социально организованное распределение времени. «Продукт, уже существующий в той форме, которая его делает пригодным для непосредственного потребления, может, в свою очередь, стать первичным материалом для другого продукта» (*Капитал*).

152

В своем наиболее развитом секторе сосредоточенный капитализм ориентируется на продажу "полностью экипированных" блоков времени, каждый из которых представляет

собой единый унифицированный товар, включивший в себя некоторое число различных товаров. Именно так могут появиться в захватывающей все новые сферы экономике "оказания услуг" и досуга форма оплаты "все включено", для зрелищных зон расселения, коллективные псевдоперемещения отпусков, абонирование культурного потребления и продажа общения как такового в "ток-шоу" и "встречах с интересными людьми". Этот вид зрелищного товара, который, несомненно, имеет хождение лишь по причине возросшего дефицита соответствующих реальных, с той же очевидностью занимает положение среди показательных изделий в сфере модернизации сбыта, будучи оплачиваемым в кредит.

153

Потребляемое псевдоциклическое время есть время зрелищное, одновременно и как время потребления образов в строгом смысле, и как образ потребления времени во всех смыслах. Время потребления образов - среда всех товаров - неразделимо выступает и как поле, где всецело задействованы инструменты спектакля, и как цель, которую они представляют глобально, и в качестве места и центрального образа всех частных видов потребления, - ибо известно, что выигрыш во времени, к каковому постоянно стремится современное общество (идет ли речь о скорости транспортных средств или о пользовании супом из пакетиков), позитивно переводится для населения Соединенных Штатов в то единственное обстоятельство, что просмотр телевизора занимает в среднем от трех до шести часов в день. Общественный образ потребления времени, со своей стороны, находится исключительно под господством периодов досуга и отпусков, моментов, представляемых *на расстоянии* и желаемых через период предварительного ожидания подобно любому зрелищному товару. Этот товар эксплицитно подается здесь как момент действительной жизни, чьего циклического возвращения необходимо ждать. Но в самих этих моментах, относимых к настоящей жизни, именно спектакль демонстрирует и воспроизводит себя, достигая к тому же своей наивысшей интенсивности. То, что было представлено как действительная жизнь, открывает себя просто как жизнь наиболее *действительно зрелищная*.

154

Эта эпоха, которая показывает самой себе свое время как являющееся, в сущности, ускоренным возвратом всевозможных празднеств, равным образом является эпохой без праздника. То, что в циклическом времени было моментом соучастия сообщества в роскошном растрачивании жизни, невозможно для общества без сообщества и без роскоши. Когда его вульгаризированные псевдопраздники, пародии на диалог и на дар, побуждают к излишним экономическим тратам, они сводятся лишь к разочарованию, всегда компенсируемому обещанием нового разочарования. В спектакле время современного выживания должно предлагаться тем более по высокой цене, чем более снижается его потребительная стоимость. Действительность времени оказалась замещенной *рекламой* времени.

155

Тогда как потребление циклического времени в древних обществах происходило в соответствии с реальным трудом этих обществ, псевдоциклическое потребление развитой экономики оказывается в противоречии с необратимым абстрактным временем ее производства. Тогда как циклическое время было временем неподвижной иллюзии, переживаемой реально, время зрелищное является временем трансформирующейся реальности, проживаемым иллюзорно.

156

То, что всегда является новым в процессе производства вещей, не обнаруживается в потреблении, остающимся расширенным возвращением того же самого. Именно потому, что мертвый труд продолжает господствовать над трудом живым, в зрелищном времени прошлое господствует над настоящим.

157

Как другая сторона общего дефицита исторической жизни, индивидуальная жизнь все еще не имеет истории. Псевдособытия, которые теснятся в зрелищной драматизации, не были пережиты теми, кто был о них информирован, и более того, они теряются в инфляции их ускоренного замещения, с каждым новым импульсом зрелищной машинерии. С другой стороны, действительно пережитое существует вне всякой связи с необратимым официальным временем общества и в прямом противостоянии псевдоциклическому ритму потребляемых субпродуктов этого времени. Это индивидуальное проживание повседневной жизни в условиях разделения остается без языка, без понятия, без критического подхода к собственному прошлому, которое нигде не упоминается. Оно не сообщается. Оно остается непонятым и забытым к выгоде ложной зрелищной памяти того, чего нельзя вспомнить.

158

Спектакль как современная социальная организация паралича истории и памяти, отказа от истории, утверждающегося на основании исторического времени, есть *ложное сознание времени*.

159

Предварительным условием для сведения трудящихся к положению "свободных" производителей и потребителей товарного времени являлась *насильственная экспроприация их времени*. Зрелищный возврат времени стал возможен, только исходя из этой первичной экспроприации производителя.

160

Несводимо биологическая часть, все еще присутствующая в труде, как в естественной циклической зависимости между сном и бодрствованием, так и в очевидности индивидуального необратимого времени истощения жизни, просто оказывается *второстепенной* по отношению к современному производству, и как таковые эти элементы не принимаются в расчет в официальных прокламациях развития производства, а являются потребляемыми им трофеями- доступным воплощением этой непрерывной победы. Обездвиженное в фальсифицированном центре движения своего мира, зрительское сознание уже не знает в своей жизни перехода ни к самореализации, ни к собственной смерти. Отказавшийся растративать свою жизнь больше не в праве признавать свою смерть. Реклама страхования жизни внушает только то, что он виновен в том, что умер, не обеспечив регулирования системы после этой экономической утраты, а реклама *ameri-can way of death* настаивает на способности поддерживать в этих обстоятельствах львиную долю *мнимостей* жизни. На всем остальном фронте рекламных бомбардировок категорически запрещено стареть. Как если бы дело заключалось в том, чтобы обеспечить каждому некий "капитальность", который, будучи лишь посредственно используемым, не мог бы, однако, претендовать на достижение долговременной и накапливающейся действительности финансового капитала. Это социальное отсутствие смерти тождественно социальному отсутствию жизни.

161

Время, как показывал Гегель, является *необходимым* отчуждением, средой, в которой субъект осуществляет себя, себя утрачивая, становится другим, чтобы стать истиной самого себя. Но его противоположностью как раз является господствующее отчуждение, которое претерпевается производителем *чуждого настоящего*. В этом *пространственном отчуждении* общество, коренным образом разделяющее субъект от деятельности, которую оно у него похищает, отделяет его прежде всего от его собственного времени. Преодолимым социальным отчуждением можно как раз назвать то отчуждение, которое запретило и парализовало возможности и риски отчуждения, *живущего* во времени.

162

Под мнимыми *модами*, что уничтожаются и заново соединяются на ускользающей поверхности созерцаемого псевдоциклического времени, всегда существует *большой стиль*

эпохи, ориентированный очевидной и тайной необходимостью революции.

163

Естественное основание времени, ощущаемая данность его протекания, становится человеческим и общественным, существуя *для человека*. Именно подобное ограниченное состояние человеческой практики, труд на различных стадиях, до сих пор очеловечивало, а также обесчеловечивало как циклическое, так и необратимое время разделения в экономическом производстве. Революционный проект бесклассового общества, возведенный в принцип исторической жизни, является проектом отмирания социальной меры времени в пользу игровой модели необратимого времени индивидов и групп, модели, в которой одновременно присутствуют *заключившие союз независимые времена*. Это - программа полного осуществления в сфере времени коммунизма, который упраздняет «все то, что существует независимо от индивидов».

164

Миром уже владеет мечта о времени, сознанием которого он должен сейчас обладать, чтобы прожить его действительно.

ГЛАВА 7

ОБУСТРОЙСТВО ТЕРРИТОРИИ

И тот, кто станет властелином города, издавна привыкшего жить свободно, и пощадит его. пусть от города не ждет пощады, потому что там всегда сыщется повод для мятежей во имя свободы и своих старых порядков, которые ни за давностью времени, ни за какие благодеяния не забудутся никогда. Что для них ни делай, и как ни старайся, но если не изгнать и не рассеять его жителей, они ни за что не забудут ни это имя, ни эти обычаи...

Макиавелли. Государь.

165

Капиталистическое производство унифицировало пространство, которое уже не ограничивается внешними ему обществами. Эта унификация в то же время является экстенсивным и интенсивным процессом усредняющего *обезличивания*. Аналогично тому, как накоплению серийно производимых товаров для абстрактного рыночного пространства суждено было разрушить все региональные и легальные барьеры и все корпоративные ограничения средневековья, которые поддерживали *качество* ремесленного производства, ему предстояло также размыть автономию и качество мест обитаний. Эта сила гомогенизации и была той тяжелой артиллерией, которая повалила все Китайские стены.

166

Отныне именно для того, чтобы все более отождествляться с самим собой, чтобы еще сильнее приближаться к неподвижному однообразию, каждое мгновение модифицируется и реконструируется *свободное пространство товара*.

167

Общество, которое упраздняет географическое расстояние, накапливает дистанцию внутренне, в качестве зрелищного разделения.

168

Субпродукт кругооборота товаров, человеческое круговращение, рассматриваемое как потребление, туризм, — сводится в своей основе к единственному развлечению: поехать и посмотреть то, что уже стало банальным. Само экономическое обустройство посещения различных мест тем самым уже есть обеспечение их *эквивалентности*. Та же самая модернизация, что изъяла из путешествия время, отняла у него и реальность пространства.

169

Общество, которое моделирует все свое окружение, выработало особую технологию, чтобы выстроить конкретную базу для этой совокупности задач - саму свою территорию. Урбанизм и является таким изъятием капитализмом себе в собственность человеческой и природной среды; и сам капитализм, логически развиваясь к своему абсолютному господству, теперь может и должен перестраивать всю тотальность пространства как *собственную декорацию*.

170

Капиталистическая необходимость, удовлетворяемая урбанизмом как видимом оледенении жизни, может выражаться - говоря языком Гегеля - как абсолютное преобладание «безмятежного пространственного существования» над «беспокойным становлением во временной последовательности».

171

Если все технологические силы капиталистической экономики должны приниматься

как осуществляющие различные виды разделения, то в случае урбанизма мы имеем дело с обеспечением их общего основания, с возделыванием почвы, которая будет подходящей для их развития, с самой технологией *разделения*.

172

Урбанизм - это современное решение непрерывной задачи сохранения классовой власти, а именно - поддержание атомизации трудящихся, которых городские условия производства столь угрожающим образом *собрали воедино*. Постоянная борьба, каковую приходилось вести против всех аспектов этой возможности встречи, нашла в градостроительстве привилегированное поле собственного приложения. Усилия всех установившихся типов власти, начиная с экспериментов французской Революции, направленные на увеличение средств поддержания уличного порядка, достигают своего завершения в полном подавлении улицы. «С возникновением средств массовой коммуникации с большим радиусом действия изоляция населения оказалась намного более действенным средством контроля», - констатирует Льюис Мамфорд в книге *Город в истории*, описывая «отныне однонаправленный мир». Но общее развитие изоляции, представляющее собой реальность урбанизма, должно также содержать в себе контролируемую реинтеграцию трудящихся в соответствии с планируемыми необходимостями производства и потребления. Интеграция в систему вновь должна захватывать изолированных индивидов в качестве индивидов, *изолируемых совместно*, - и потому заводы, как и учреждения культуры и отдыха, как и "жилые массивы", оказываются специально организованными с целью этой псевдоколлективности, также сопровождающей изолированного индивида и в *семейной ячейке*, - повсеместное использование приемников зрелищных передач способствует тому, что его одиночество оказывается наводненным господствующими образами, образами, только посредством подобной изоляции достигающими своего полного могущества.

173

Впервые новая архитектура, которой во все предшествующие эпохи отводилась единственная роль - удовлетворять запросы господствующих классов, оказалась предназначенной непосредственно *для бедных*. Формальная бедность и гигантское распространение этого нового опыта расселения целиком и полностью вытекают из его *массового* характера, который предполагает одновременно и его назначение, и современные условия строительства. *Авторитарное решение*, которое абстрактно обустроивает территорию в территорию абстракции, очевидно, присутствует в самом средоточии этих современных условий строительства. Одна и та же архитектура возникает повсюду, как только начинается индустриализация стран, в этом отношении отсталых, - обстановка, соответствующая полностью тому новому виду социального существования, который необходимо здесь привить. Столь же явственно, как и в вопросах термоядерного вооружения или рождаемости (в последней - вплоть до возможности манипуляций с наследственностью), в урбанизме демонстрируется и то, что уже преодолен порог усиления материальной власти над обществом, и то, что сознательное господство над этой властью приходит со значительным *запозданием*.

174

Настоящее время - это уже эпоха саморазрушения городской среды. Наступление городов на сельскую местность, покрытую «бесформенными массами городских отходов» (Льюис Мамфорд), непосредственным образом задается императивами потребления. Диктатура автомобиля - ведущего продукта первой фазы товарного изобилия, вписывается в территории через господство автострады, которая расчленяет старые центры и задает новое, все дальше и дальше продвигающееся рассеяние. При этом моменты незавершенной перестройки городской текстуры временно поляризуются вокруг "раздаточных предприятий", т. е. построенных на пустырях и привязанных к *парковочным стоянкам* гигантских *супермаркетов*; а сами эти храмы ускоренного потребления разбегаются в

центробежном движении, проталкивающим их еще дальше, по мере того как, в свою очередь, они становятся вторичными центрами, перегруженными уже только потому, что повлекли за собой частичную перепланировку агломерации. Но таким образом техническая организация потребления существует лишь на переднем плане того общего разложения, которое приводит город к *потреблению самого себя*.

175

Экономическая история, в целом развивавшаяся вокруг противоположности города и деревни, достигла той победной стадии, на которой аннулируются сразу оба термина. Современный *паралич* тотального исторического развития, имеющего целью лишь продолжение независимого движения экономики в период, когда начинают исчезать и город, и деревня, приводит не к *преодолению* разрыва между ними, но к их одновременному разрушению. Взаимный износ и города, и деревни, происходящий от недостатка исторического движения, через которую существующая городская действительность должна была бы быть преодолена, проявляется в том эклектическом смешении их разрозненных элементов, которое покрыло наиболее развитые индустриальные зоны.

176

Всемирная история родилась в городах, а стала ведущей силой в эпоху решающей победы города над деревней. Маркс рассматривал как одну из важнейших революционных заслуг буржуазии то, что «она подчинила деревню городу», чей *воздух освобождает*. Но если история города и была историей свободы, то она также была и историей тирании, государственной администрации, управляющей и деревней, и самим городом. Город еще мог быть полем битвы за историческую свободу, но не владеть ею. Город - это *среда истории*, так как он одновременно является сосредоточением общественной власти, сделавшей возможным историческое предприятие, и осознанием прошлого. Следовательно, настоящая тенденция к ликвидации города только иным способом выражает подобное запаздывание подчинения экономики историческому сознанию, унификации общества, вновь овладевающего теми видами власти, которые из него выделились.

177

«В деревне наблюдается диаметрально противоположный факт - изолированность и разобщенность» (*Немецкая идеология*). Урбанизм, разрушающий города, восстанавливает некую псевдо-деревню, в которой утрачиваются естественные отношения старой деревни, равно как и непосредственные общественные связи, прямо поставленные под вопрос историческим городом. В новых условиях обитания и зрелищного контроля на современной "обустроенной территории" воссоздается новое искусственное крестьянство: распыленность в пространстве и ограниченный стиль мышления, которые всегда мешали крестьянству предпринимать независимые действия и утверждать себя в качестве творческой исторической силы, вновь становятся характерной чертой производителей, ибо развитие мира, производимого ими самими, также остается полностью за пределами их способностей понимания и действия, как это было при естественном ритме работ сельского общества. Но когда подобное крестьянство, некогда бывшее непоколебимой основой "восточного деспотизма", сама распыленность которого взывала к бюрократической централизации, восстанавливается сегодня как продукт условий усиления современной государственной бюрократизации, теперь его *апатию* приходится *исторически сфабриковать* и поддерживать, - естественное невежество уступает место организованному спектаклю намеренного заблуждения. "Новые города" технологического псевдокрестьянства четко вписываются в тот разрыв с историческим временем, на котором они воздвигаются, так что их девизом мог бы быть лозунг: «Вот здесь-то никогда ничего не произойдет и *никогда ничего не происходило*». Очевидно, по причине того, что история, которую нужно породить в городах, здесь еще не была рождена, силы *исторического отсутствия* начинают воздвигать свой собственный исключительный ландшафт.

178

История, которая угрожает этому сумеречному миру, также является и силой, которая может подчинить пространство проживаемому времени. Пролетарская революция есть та *критика человеческой географии*, через которую индивиды и сообщества должны создавать местности и события, соответствующие присвоению уже не просто их труда, но их истории в целом. В этом подвижном пространстве игры и вариаций свободно избираемых правил игры автономия места может вновь проявить себя, не без того, чтобы повлечь за собой исключительную привязанность к почве, и этим восстановить действительность странствия и жизни, понимаемой как странствие, полностью несущее в себе весь свой смысл.

179

Величайшая революционная идея по отношению к градостроительству сама не является урбанистической, технологической или эстетической. Это решение интегрально реконструировать территорию сообразно потребностям власти Советов трудящихся, *антигосударственной диктатуры пролетариата*, диалога, подлежащего исполнению. И власть Советов, могущая стать действенной лишь через преобразование всей полноты существующих условий, не может ставить себе меньшей задачи, если она желает быть признанной и *познать саму себя* в собственном мире.

ГЛАВА 8

ОТРИЦАНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ

Мы еще увидим политическую революцию? Мы, современники этих немцев? Мой друг; Вы верите в то, что Вы желаете... Тогда как я сужу о Германии по ее прошлой и современной истории, и Вы мне не станете возражать, что вся история ее искажена, что вся ее сегодняшняя общественная жизнь не представляет действительного состояния народа. Почитайте любые газеты, и Вы убедитесь, что мы не перестаем - причем, согласитесь, цензура никому не мешает остановиться в этом - прославлять свободу и национальное счастье, которыми мы обладаем...

Руге - Марксу, март 1843 года

180

Культура в историческом обществе, разделенном на классы, есть общая сфера познания, а также сфера представлений переживаемого; иными словами, она является той способностью обобщения, существующей *отдельно*, как разделение интеллектуального труда и интеллектуальный труд по разделению. Культура выделилась из единства общества мифа «тогда, когда мощь единения исчезает из жизни человека, а противоположности утрачивают свою живую связь и взаимодействие, обретая самостоятельность...» (*Различие систем Фихте и Шеллинга*). Добившись своей независимости, культура начинает империалистическое движение к обогащению, которое в то же время оказывается закатом ее независимости. История, создающая относительную автономию культуры и идеологические иллюзии насчет этой автономии, также выражает себя и как история культуры. А вся экспансионистская история культуры может быть понята как история обнаружения ее недостаточности и как движение к ее самоупразднению. Культура - это место поисков утраченного единства. В этом поиске единства культура как обособленная сфера обязана отрицать самое себя.

181

Борьба между традицией и обновлением - принцип внутреннего развития культуры исторических обществ - может продолжаться только через постоянные победы обновления. Тем не менее инновация в культуре проводится не чем иным, как всем историческим развитием в целом, которое, осознавая свою всеобщность, стремится превзойти собственные культурные предпосылки и движется к упразднению всякого разделения.

182

Стремительный подъем познаний об обществе, которые включают в себя постижение истории как средоточия культуры, приобретает в самом себе некое неопровержимое знание, проявляющееся в разрушении Бога. Но это "первое условие любой критики" есть также первое обязательство к бесконечной критике. Там, где никакое правило поведения уже не может поддерживаться, любое *достижение* культуры толкает ее к ее разложению. Как и философия, в то время, когда она получает свою полную автономию, всякая дисциплина, ставшая автономной, должна разрушаться прежде всего в качестве претензии на полное и последовательное объяснение всего общественного целого, а в конце концов и в качестве частного инструментария, используемого в ее собственных границах. *Нехватка рациональности* в культуре, основанной на разделении, является элементом, обрекающим ее на исчезновение, ибо в ней победа рационального уже присутствует как необходимая потребность.

183

Культура - это результат истории, которая разложила стиль жизни старого мира; но в качестве обособленной сферы она все еще остается лишь разумением и смысловой

коммуникацией, остающимися частичными в обществе *частично историческом*. Она — смысл слишком далекого от осмысленности мира.

184

Конец истории культуры проявляется с двух противоположных сторон - в проекте ее преодоления как целостной истории и в организации ее сохранения в качестве мертвого объекта в зрелищном созерцании. Одно из этих направлений связало свою судьбу с социальной критикой, а другое - с защитой классово-власти.

185

Каждая из двух сторон завершения культуры каким-то единым образом существует как во всех аспектах познания, так и во всех аспектах чувственных представлений, - в том, чем было *искусство* в наиболее общем смысле. В первом случае накопление фрагментарных познаний, становящихся бесполезными, потому что *одобрение* существующих условий должно, в конце концов, *отречься от собственных' познаний*, противопоставляется теории практики, единственно которая содержит в себе истину всех познаний, одна обладает секретом их использования. Во втором случае критическое саморазрушение прежнего *общего языка* общества противопоставляется его искусственному переустройству в рыночном спектакле, в иллюзорном представлении непроживаемого.

186

Утрачивая общность мифического сообщества, общество должно терять все референции действительно общего языка до тех пор, пока расщепление бездеятельного сообщества не сможет быть преодолено обретением реальной исторической общности. Как только искусство, которое и было этим общим языком социального бездействия, вырастает в независимое искусство в современном смысле, возникая из своего первичного религиозного космоса и становясь продуктом обособленного индивидуального творчества, оно познает в качестве особого случая движения то движение, которое властвует над совокупной историей разделенной культуры. И ее независимое утверждение является началом его разложения.

187

Именно то, что утрачен язык коммуникации, *позитивно* выражает современное движение разложения всякого искусства, его формальное уничтожение. *Негативно* это движение выражает то обстоятельство, что вновь должен быть найден некий общий язык (но теперь не в одностороннем заключении, которое для искусства исторического общества *осуществлялось всегда слишком поздно*, говоря *другим* то, что переживалось без реального диалога, и принимая эту недостаточность жизни), но еще и то, что его следует найти в практике, которая объединяла бы в себе и непосредственную деятельность, и ее язык. Дело заключается в том, чтобы действительно обладать общностью диалога и игрой со временем, представленными в поэтическо-художественном произведении.

188

Когда ставшее независимым искусство представляет свой мир в ярких красках - это значит, что устарело некоторое мгновение жизни и его уже нельзя омолодить яркими цветами, но только вызывать в воспоминании. Величие искусства начинает проявляться лишь при полном упадке жизни.

189

Вторгшееся в искусство историческое время, прежде всего, с эпохи *барокко* выражается в самой сфере искусства. Барокко - это искусство мира, утратившего свой центр, ибо пал последний признаваемый средневековым мифический порядок космоса и земного правления - единство Христианского мира и призрак Империи. *Искусство перемены* и должно нести в себе то эфемерное начало, которое оно открывает в мире. Оно выбрало, как говорит Эухенио д'Орс, «жизнь вместо вечности». Театр и праздник, театральное

празднество являются господствующими моментами барочной постановки, где любая особая художественная выразительность обретает свой смысл лишь в отношении к декорации созданного места действия, к конструкции, которой самой по себе предстоит стать центром воссоединения, и центр этот служит *переходом*, который вписывается как находящееся под угрозой равновесие в динамический беспорядок целого. Важность, порою чрезмерная, которую приобретает понятие барокко в современной эстетической дискуссии, выдает осознание невозможности художественного классицизма, ибо усилия, направленные на установление нормативного классицизма или неоклассицизма, в течение трех веков были лишь кратковременными надуманными конструкциями, говорящими внешним языком государства, языком абсолютной монархии или революционной буржуазии, облаченной в римские тоги. От романтизма к кубизму все более в конечном счете индивидуализирующееся искусство отрицания, постоянно возобновляющееся вплоть до окончательного раздробления и отрицания художественной сферы, следовало общему барочному движению. Исчезновение исторического искусства, связанного с внутренней коммуникацией элиты, которая имела свою полунезависимую социальную базу в тех частично игровых условиях, которые еще застали последние аристократии, выдает также то обстоятельство, что капитализм представляет собой первую классовую власть, которая признает себя лишенной всякого онтологического качества, а укоренение его власти в простом распоряжении экономикой равным образом влечет за собой утрату всякого человеческого *достоинства*. Барочный ансамбль, для художественного *творения* сам являющийся давно утраченным единством, вновь как бы воспроизводится в современном *потреблении* всего художественного прошлого. Историческое познание и признание всего искусства прошлого, ретроспективно воссоздаваемого в виде мирового искусства, релятивизируют его в некоем глобальном беспорядке, в свою очередь создающем барочное строение на более высоком уровне, - строение, в котором должны смешаться и само производство барочного искусства, и все его воскрешения. Искусства всех цивилизаций и эпох в первый раз могут быть поняты и приняты все вместе. Это "собрание воспоминаний" истории искусства, становясь возможным, также является *концом мира искусства*. Именно в нашу эпоху музеев, когда никакая художественная коммуникация уже не может существовать, все старые моменты искусства могут быть приняты на равных правах, ибо никакой из них уже не пострадает от утраты особых условий сообщения, при современной утрате условий коммуникации *вообще*.

190

Искусство в эпоху распада в качестве негативного движения, стремящегося к преодолению искусства в историческом обществе, в котором история еще не была пережита, является сразу и искусством перемены и чистым выражением невозможности изменения. Чем грандиознее его требование, тем более его истинная реализация далека от него. Это искусство - *авангард* поневоле, и оно-то как раз *не является авангардом*. Его авангардизм - в его исчезновении.

191

Дадаизм и сюрреализм - два течения, отмечающие конец современного искусства. Они являются, хотя лишь относительно сознательным образом, современниками последнего великого натиска революционного пролетарского движения, и поражение этого движения, оставившее их заключенными внутри того самого художественного поля, дряхлость которого они провозглашали, стала основной причиной их застоя. Дадаизм и сюрреализм являются одновременно исторически связанными и противоположными. В этой противоположности, что также составляет для каждого самую последовательную и радикальную часть его вклада, проявляется внутренняя недостаточность их критики, развиваемой как одним, так и другим с одной-единственной стороны. Дадаизм стремился упразднить *искусство, не воплощая его*, а сюрреализм хотел *воплотить искусство, не упраздняя его*. Критическая позиция, выработанная с этих пор *ситуационис-тами*,

показала, что и упразднение, и воплощение искусства являются двумя нераздельными аспектами одного и того же *преодоления искусства*.

192

Зрелищное потребление, которое сохраняет старую застывшую культуру, в том числе и подконтрольное повторение ее негативных проявлений, открыто становится в своем культурном секторе тем, чем оно имплицитно является в своей всеобщности - *коммуникацией не поддающегося сообщению*. Предельная деструкция языка может оказаться пошло признаваемой в нем как официальная позитивная ценность, ибо речь идет об афишировании примирения с господствующим положением вещей, когда всякая коммуникация радостно провозглашается отсутствующей. Критическая истина этой деструкции, как действительная жизнь современной поэзии и искусства, явно оказывается скрытой, ибо спектакль, который имеет своей функцией *заставить забыть историю в культуре*, в псевдоновизне своих модернистских средств применяет ту же стратегию, что в глубине конституирует его самого. Таким образом, может выдавать себя за нечто новое некая школа неолитературы, просто признающая, что написанное важно для нее само по себе. Кроме того, наряду с простым провозглашением самодостаточной красоты разрушения сообщаемого, самое современное течение зрелищной культуры (и наиболее связанное с репрессивной практикой общей организации общества) стремится посредством "комплексных произведений" перекомпоновать сложную неохудожественную среду, отправляясь от разрозненных элементов, и в особенности в попытках интеграции в урбанизме художественных остатков или эстетико-технологических гибридов. И это есть перевод в план зрелищной псевдокультуры общего проекта развитого капитализма, который нацелен на то, чтобы вновь захватить частного труженика как "личность, полностью интегрированную в коллектив", - тенденция, описанная современными американскими социологами (Рисмэном, Уайтом и др.). И повсюду - это один и тот же проект *реструктуризации без сообщества*.

193

Культура, ставшая всецело товарной, также должна стать ведущим товаром зрелищного общества. Кларк Керр, один из самых радикальных идеологов этого течения, подсчитал, что сложный процесс производства, распределения и потребления *знаний* уже захватывает ежегодно 29% национального продукта Соединенных Штатов, и предсказывает, что во второй половине столетия культура должна занять роль двигателя в развитии экономики, каковой была роль автомобиля в его первой половине и железных дорог во второй половине века предыдущего.

194

Система знаний, теперь продолжающая развиваться как *мышление спектакля*, должна оправдывать общество без оправданий и конституироваться в общую науку ложного сознания. Она целиком обусловлена тем, что не может и не хочет мыслить собственное материальное основание в зрелищной системе.

195

Мышление социальной организации кажимости само затемняется той возведенной в принцип *подкоммуникацией*, которую оно защищает. Оно не ведает, что конфликт и есть исток всех вещей его мира. Профессионалы власти спектакля - абсолютной власти внутри его системы безответного языка, — абсолютно развращены своим опытом презрения и успехом этого презрения - ведь они находят подтверждение своему презрению в познании *презренного человека*, каковым в действительности зритель и является.

196

В специализированном мышлении зрелищной системы производится новое разделение задач по мере того, как совершенствование этой системы ставит новые проблемы: с одной стороны, *показная критика спектакля* предпринимается современной

социологией, которая изучает разделение только с помощью концептуальных и материальных инструментов этого разделения, а с другой, *апология спектакля* конституируется в мышление не-мысли, в *патентованное забвение* исторической практики, в те самые разные дисциплины, где укореняется структурализм. И все же ложная безнадежность недialeктической критики и ложный оптимизм откровенной рекламы системы тождественны, будучи подчиненной мыслью.

197

Социология, которая, прежде всего, в Соединенных Штатах, начала выносить на обсуждение условия существования, возникшие на современной стадии развития общества, если даже и смогла собрать массу эмпирических данных, никоим образом не поняла истины собственного предмета, так как не может найти в самой себе имманентной ей критики. И выходит, что откровенно реформистская тенденция этой социологии опирается только на мораль, здравый смысл, совершенно беспомощные призывы к мере и т. д. Из-за того, что такая манера критиковать не признает то негативное, которое находится в сердцевине ее мира, она только и делает, что настаивает на описании своего рода негативного излишества, которое, на ее взгляд, досадно обременяет поверхность этого мира как паразитический иррациональный нарост. Возмущенная добрая воля, которая даже в качестве таковой доходит только до осуждения внешних последствий системы, считает себя критикой, забывая о сущностно *апологетическом* характере своих предпосылок и собственного метода.

198

Обличители абсурдности или гибельных последствий стимуляции расточительства в обществе экономической избыточности не ведают того, чему служит расточительство. Во имя экономической рациональности они, проявляя неблагодарность, проклинают тех самых иррациональных добрых ангелов-хранителей, без которых рухнула бы власть этой экономической рациональности. Так, например, Бурстин, описывающий в *L'Image* товарное потребление американского спектакля, так и не доходит до понятия "спектакля", потому что полагает, что может оставить вне пределов этого губительного преувеличения частную жизнь или же понятие "честного товара". Он не понимает, что сам товар создал законы, "честное" применение которых задает как особую реальность частной жизни, так и ее последующий захват общественным потреблением образов.

199

Бурстин описывает крайности мира, ставшего нам чуждым, как крайности, чуждые нашему миру. Но "нормальные" основы социальной жизни, на которые он имплицитно ссылается, когда качественно определяет поверхностное царство образов в терминах психологического и морального суждения в качестве продукта "наших чрезмерных претензий", не соответствуют никакой действительности ни в его книге, ни в его эпохе. Именно потому, что действительная человеческая жизнь, о которой говорит Бурстин, существует для него в прошлом, которому принадлежит и прошлое религиозной покорности, он не может понять всю глубину общества имиджа. *Истина* этого общества - не что иное, как *отрицание* этого общества.

200

Социология, которая полагает, будто может выделить из системы общественной жизни некую промышленную рациональность, функционирующую отдельно, может дойти до того, что выделит из глобального индустриального развития технологии воспроизводства и передачи. Именно так Бурстин обнаруживает в качестве причины результаты, изображаемые им как несчастные, как бы нечаянные, обстоятельства функционирования слишком большого технологического аппарата распространения образов и чересчур сильного влечения людей нашей эпохи к псевдо-сенсационному. А следовательно, спектакль своим существованием якобы обязан тому, что современный человек слишком уж является зрителем. Бурстин не понимает, что размножение предварительно сфабрикованных

"псевдособытий", которое он изобличает, просто вытекает из того, что люди в массовой реальности современной общественной жизни сами событий не проживают. Именно потому, что история сама навешает современное общество как призрак, на всех уровнях потребления жизни обнаруживают псевдоисторию, сконструированную, чтобы сохранить шаткое равновесие современного *застывшего времени*.

201

Утверждение окончательной стабильности краткого периода застывания исторического времени является сознательно и бессознательно провозглашаемой бесспорной основой современной тенденции к *структуралистской* систематизации. Точка зрения, в которой размещается антиисторическое мышление структурализма, является точкой вечного присутствия некой системы, что никогда не была создана и никогда не придет к концу. Мечта о диктатуре предзаданной и бессознательной структуры над всей социальной практикой может быть неправомерно извлечена из структурных моделей, разработанных лингвистикой и этнологией (включая анализ функционирования капитализма), - моделей, *в этих обстоятельствах уже понимаемых превратно*, просто потому, что университетское мышление скоро удовлетворяемого *среднего кадрового состава*, мышление, всецело погруженное в восхищенное восхваление существующей системы, пошло подгоняет всякую действительность к существованию системы.

202

Как и во всякой исторической общественной науке, для понимания "структуралистских" категорий всегда нужно иметь в виду, что категории выражают формы и условия существования. Подобно тому, как о качествах человека не судят по представлению, которое он имеет о себе самом, нельзя оценивать (и восхищаться) это predetermined общество, принимая как безусловную истину язык, коим оно говорит о себе самом. «Нельзя оценивать такого рода эпохи перемен исходя из их сознания о себе, но, наоборот, необходимо объяснять сознание через противоречия материальной жизни...» Структура - дочь наличествующей власти. Структурализм есть *мышление, обеспеченное государством*, которое мыслит настоящие условия зрелищной "коммуникации" в качестве абсолюта. Его манера изолированного изучения кода сообщений является лишь продуктом и признанием общества, где сообщение осуществляется в форме каскада иерархических сигналов. Так что не структурализм служит подтверждению надысторической действительности общества спектакля, а, наоборот, общество спектакля, навязывающееся как массовая действительность, служит подтверждению холодных грез структурализма.

203

Несомненно, критическое понятие *спектакля* также может быть вульгаризировано в какой-нибудь надуманной формуле социологической и политической риторики, которая бы абстрактно объясняла и разоблачала все, что угодно, и таким образом служила защите зрелищной системы. Ибо очевидно, что никакая идея не может вывести за пределы существующего спектакля, но только за пределы существующих о спектакле идей. Чтобы действительно разрушить общество спектакля, необходимы люди, которые бы задействовали какую-то практическую силу. Критическая теория спектакля является истинной, лишь объединяясь с практическим движением отрицания в обществе, а это отрицание - возобновление борьбы революционного класса - осознает само себя, развивая критику спектакля, которая является теорией его действительных условий, практических условий современного подавления, и далее раскрывает тайну того, чем она может быть. Эта теория не ожидает чудес от рабочего класса. Она предвидит в новом формировании и осуществлении пролетарских требований долгосрочную задачу. При искусственном различении борьбы теоретической и борьбы практической - ибо, исходя из выше определенных оснований, само создание и сообщение такой теории уже не может осуществляться без *строгой практики* - несомненно, что смутно и трудно продвигающаяся критическая теория также должна стать уделом практического движения, действующего на

уровне общества.

204

Критическая теория должна *сообщаться* на собственном языке. Это язык противоречия, и он должен быть диалектическим по своей форме, каким он является в своем содержании. Он является и критикой целого и исторической критикой. Это не "нулевая степень письма", но его оборачивание. Это не отрицание стиля, но стиль отрицания.

205

В самом своем стиле изложение диалектической теории есть скан-дал и безобразие с точки зрения правил господствующего языка и вкуса, воспитанного этими правилами, так как в позитивное употребление существующих понятий оно одновременно включает понимание их вновь обретенной *текучести* и их необходимого разложения.

206

Этот стиль, который содержит собственную критику, должен выражать господство современной критики над *всем ее прошлым*. Благодаря ему способ изложения диалектической теории свидетельствует о негативном духе, который в ней присутствует. «Истина не является подобной продукту, на котором уже не найти следа орудия». (Гегель). Это теоретическое сознание движения, в котором должен присутствовать сам след движения, проявляется через *обращение* установленных отношений между понятиями и через *отстранение* от всех обретений предшествующей критики. Обращение генетива есть то выражение исторических революций, отчеканенное в форме мысли, которое рассматривалось как эпиграмматический стиль Гегеля. Молодой Маркс, будучи верным систематическому использованию этого стиля Фейербахом, превозносящий замещение субъекта предикатом, добился наиболее последовательного употребления этого *мятежного стиля*, из философии нищеты извлекающего нищету философии. Отстранение же приводит к подрыву прошлых критических выводов, застывших в почтенных истинах, то есть превратившихся в ложь. Уже Кьеркегор его сознательно использовал, присоединяясь сам к их разоблачению: «Но несмотря на все подвохи и уловки, подобно тому, как варенье вновь отправляется в кладовую, так и : ты всегда заканчиваешь тем, что вставляешь какое-нибудь тебе не принадлежащее словечко, тревожащее воспоминанием, которое оно пробуждает» (*Философские крохи*). Именно обязательность *дистанцирования* по отношению к тому, что было фальсифицировано в официальной истине, таким образом, определяет такое употребление отстранения, признаваемое Кьеркегором в той же книге: «Еще одно замечание по поводу твоих многочисленных намеков с целью поставить мне в вину то, что я смешиваю в своих заявлениях заимствованные положения. Я этого здесь не отрицаю и не буду также скрывать, что это было сделано преднамеренно, но уже в продолжении этой книжонки, коли я его когда-нибудь напишу, я намерен называть предмет его настоящим именем и облачать проблему в исторические одежды».

207

Идеи совершенствуются. Соучаствует в этом и смысл слов. Плагиат необходим. Его предполагает прогресс. Он точно держится фразы автора, пользуется его выражениями, удаляет ложную идею и заменяет ее идеей верной.

208

Отстранение - это противоположность цитированию, теоретическому авторитету, всегда уже фальсифицированному просто тем, что он уже стал цитатой, фрагментом, вырванным из контекста, из движения и, наконец, из эпохи как общего поля референции и из конкретного выбора, которым была эта цитата внутри соответствующей референции, признанной за правильную, или за ошибочную. Отстранение - это текучий язык антиидеологии. Оно появляется в коммуникации, которой ведомо, что она не может претендовать на поддержание какой-либо окончательной гарантии в самой себе. В своей высшей точке оно является языком, который не может подтвердить никакая предшествовавшая сверхкритическая референция. Наоборот, именно его собственная

последовательность, по отношению к себе и при помощи доступных ему фактов, может подтвердить старое существо истины, к которому оно сводится. Отстранение в качестве актуальной критической инстанции не обосновывает своей причины ни на чем внешнем по отношению к его собственной истине.

209

То, что в теоретической формулировке открыто представляется как *отстраненное*, чем опровергается любая длительная автономия сферы выраженного теоретически, а именно введением в нее *посредством такого насилия* действия, нарушающего и преодолевающего любой существующий порядок, - напоминает, что это существование теоретического само по себе ничто и должно познаваться лишь совместно с историческим действием и *исторической правкой*, в которой заключается ее истинная верность.

210

Только действительное отрицание культуры и сохраняет ее смысл. Более оно не может быть *культурным*. Таким образом, оно есть то, что в некотором роде остается на уровне культуры, хотя и в совершенно ином значении. 211

В языке противоречия критика культуры представляется *воссоединенной*, поскольку она господствует над всей культурой (как ее познанием, так и ее поэзией) и поскольку она уже не отделяется от критики общественного целого. Только такая *воссоединенная теоретическая критика* идет навстречу *воссоединенной общественной практике*.